

МИХАИЛ ДУДИН

ВСЕ ВМЕСТЕ

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

МИХАИЛ ДУДИН

ВСЕ ВМЕСТЕ

Переводы
Послания
Посвящения

МОСКВА СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1980

Дудин М. А.

Д81 Все вместе: Переводы, послания, посвящения.— М.: Сов. Россия, 1980.— (Мастера худож. перевода). — 272 с., 1 л. портр.

В книгу Героя Социалистического Труда поэта Михаила Дудина вошли переводы классиков — Шекспира, Киплинга, Исаакяна, Бараташвили, поэтов РСФСР, Украины, Грузии и других республик. В сборник включены оригинальные стихи поэта.

Д $\frac{70402-215}{М-105(03)80}$ инф. — 80 4702010200 Р2

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...

А. С. Пушкин

ПЕРЕВОДЫ

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

(1564—1616)

С английского

66-й СОНЕТ

Я умер бы, от всех невзгод устав,
Чтоб кровную не видеть нищету,
И веру справедливости без прав,
И праздного ничтожества тщету,
И не по чести почестей черед,
И на цветущей девственности сор,
И силу, что калекою бредет,
И совершенство, впавшее в позор,
И в соловьином горле кляп властей,
И глупость в облаченье мудреца,
И праздник лжи над правдою страстей,
И честь добра под пяткой подлеца.

Я умер бы, судьбы не изменя,—
Но что ты будешь делать без меня?

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

(1865—1936)

С английского

ЕСЛИ...

Если ты не потеряешь головы в смятенье общем,
Одинаково встречая и успех, и неуспех,
И пройдешь достойно мимо клеветы и тех, кто
ропщет,
В правоте своей уверен вопреки сомненью всех;

Если ты сумеешь выждать до положенного срока
И подсчитывать не будешь наговоры подлеца,
Если ненависть сумеешь обуздать в себе жестоко
И не выглядеть пижоном в старой маске мудреца;

Если ты мечту, мечтая, не поставишь выше бога
И само теченье мысли самоцелью не сочтешь,
И Беду с Триумфом вместе, что пошлет тебе дорога,
Встретишь равно, понимая, что у них в основе ложь;

Если в слове краснобая ты свое услышишь слово,
Как надежную приманку для доверчивых ослов,
Если дело жизни прахом рассыпается, и снова
На развалинах и пепле можешь действовать с основ;

Если ты, рискнув, поставишь на орла, а выйдет —
решка,
Все накопленное жизнью проиграешь до конца

И не вымолвишь ни слова, сожаленье и усмешка
Не коснутся даже тенью ни души и ни лица;

Если в горькую минуту безысходности и боли,
В миг, когда с усталым телом разойтись готова
жизнь,
Ты сумеешь сердцу, нервам приказать веленьем
воли,
Всею собранностью страсти беспощадное:
«Держись!»;

Если ты сумеешь правду неподкупности и чести
Говорить царям и толпам, отвечая головой,
Если в нужную минуту все друзья с врагами вместе
Пусть хотя не слишком много, но считаются с тобой;

Если каждую секунду ты, как спринтера удачу,
Ценишь, жизни невозвратной понимая быстрый
бег,—
Вся Земля твоя отныне, все земное — тоже, значит,
Ты, мой сын, и сам отныне в этом мире — Человек.

АВЕТИК ИСААКЯН

(1875—1957)

С армянского

* * *

Погоди, мое сердце, быть может, рассвет
Разгорится — и ярко по ясному следу
Засияют фиалки и, солнцу вослед,
Над проклятою тьмою, быть может, победу
Ты одержишь в борьбе. Не смиряйся, держись
До последнего вздоха надежды, и, может,
Горизонт разойдется, и горькая жизнь
Улыбнется... Какая змея тебя гложет?
Иль тебе не под силу сомненье твое
И жестокая скука? Иль язва измены
Отравила священной любви бытие?
...Что ж! Страдай и надейся...

* * *

Хочешь — я росою в очи
Просверкаю ярче гроз?
Пробегу дыханьем ночи
По копне твоих волос?

Хочешь — вспыхну сердца рядом
Розой в царственном венце,
Солнца утреннего взглядом
Заиграю на лице?

Хочешь — деревом и тенью
Стану, и среди ветвей
Дам укрытье вдохновенью
Птиц над головой твоей?

Хочешь — буду кем угодно:
Тьмою ночи, светом дня,
И скалой, и гладью водной —
Только ты люби меня!

* * *

Мое сердце — это небо,
И любая жизнь земная
В нем свою звезду имеет,
Свой престол имеет в нем.

Мое сердце — это небо,
Мое сердце дарит щедро:
Аромат — цветам весенним,
Жизнь — безжизненной пустыне
Обездоленного сердца,
Юным девушкам — любовь.

Мое сердце — это небо.

* * *

Жизнь! За тебя готовый к бою,
Стою я твердо, как скала.
Грохочет гром над головою —
Стою я твердо, как скала.
Бушует буря подо мною —
Стою я твердо, как скала.

Волна к волне! И нет подмоги —
Стою я твердо, как скала.
Плыви ко мне! Среди тревоги
Стою я твердо, как скала.
Бросай свой якорь мне под ноги —
Стою я твердо, как скала!

* * *

Крепка в окне решетка.
Через ночную тьму
Звезда печали кротко
Глядит в мою тюрьму.

И плачут мать с сестрою
В отеческом дому
Под этою звездою
По сердцу моему.

* * *

Бойся глаз чернее ночи,
Глаз темней, чем смертный час,—
Тьма погибель напророчит;
Опасайся черных глаз.

Черный взгляд острей кинжала
Заглянул мне в душу раз —
И душа моя пропала...
Опасайся черных глаз.

* * *

У людей и у птиц есть друзья до поры.
Я — один, и бездомно мое бытие.
Боль на сердце моем тяжелее горы
И темнее и глубже ущелий ее.

Ты сама мне сказала: «Уйди, пропади!»
А куда я пойду, и любя, и скорбя?
Эта боль от тебя. Для меня впереди
Нет от боли спасения, кроме тебя.

* * *

Холодный ветер желтым ивам
Срывает праздничный наряд.
И листья под его порывом
На землю грустную летят.

И только ворон в голой кроне
Сидит, как черный господин,
Да я, прижав к груди ладони,
На вашу дверь гляжу один.

* * *

Мне снился сон. Во сне плыла
Ночная улица рекою,
И мать моя в толпе была,
Как тень с протянутой рукою.

Она брела, стара, слепа,
В оцепенении глубоком —
И равнодушная толпа
Ее толкала ненароком.

И плакал я во сне своем
И наяву — неутолимо.
А мы спешим своим путем —
Куда? Какого горя мимо?..

* * *

Мне снилось море. В нежной
Лазури день дрожал.
На полосе прибрежной
Я раненый лежал.

Вздыхая, море млело
В раздумии своем,
Язвила рана тело
Из глубины огнем.

И светлый голос жизни
Летел из-за морей
От берегов Отчизны,
От матери моей.

* * *

Луна, как лебедь, стороной
Плывет дорогой сонной.
Двор как колодец под луной
От тишины бездонной.
Но сердце у меня в груди
Тревогой неизменной
На всю вселенную гудит,
Как колокол вселенной.

* * *

Родина! Горы твои — исполины —
За облаками встречают рассвет.
Реки журчат и смеются долины,
Но для детей твоих радости нет.

Родина! Если б владел я отныне
Тысячью жизней в придачу к одной,—
Тысячу жизней, как высшей святыне,
Отдал бы в жертву отчизне родной.

Тысячу жизней, как жертву, залогом
Жизни прекрасных твоих сыновей,
И лишь одну для себя, чтобы в строгом
Гимне сопутствовать славе твоей.

И восславлять тебя так же, как вестник
Юной весны в обновленном краю
Славит свободно ликующей песней
Солнце любви и свободу свою.

* * *

Гордой молодости годы
Промелькнули, как звезда.
И любовь моей свободы
С ними скрылась навсегда.

Не оставили на камне
Камня слезы от потерь.
Плачь не плачь, а те года мне
Не вернуть уже теперь.

* * *

Мираж возник в пустыне дикой.
И в образ женщины один
Всей безысходностью великой
Души влюбился бедуин.

И он пошел за ней по черной
Пустыне страха и тоски
И рухнул под колючки терна
На раскаленные пески.

И умер в жажде ненапрасной
По человеческой весне,
И образ женщины прекрасной,
Как сон, в его витает сне.

* * *

Мое сердце на горных вершинах,
Где в сплетении молний и мглы
Дерзновенно и неустрашимо
С ураганами спорят орлы.

Вы, властители жизни и смерти,
Храбрецы самого мятежа,
Перед вами, склоняясь, очертит
Славой подвиги ваши душа!

Вы есть дух и надежда народа.
И с оружием держит рука
Твой светильник горящий, Свобода,
Озаряющий жизнь на века.

Пусть на землю сойдут ураганы,
Старой скверны развеют туманы,
Разобьют палача реквизит.
И душа над печалью насилья
Вскинет мысли бессмертные крылья
И, как молния, зло поразит.

* * *

Видишь, черный орел, гордый горный орел,
С высоты своего назначенья,
Как терзает закона слепой произвол
Мое сердце в плену заточенья.

Мысль и слово, свободная песня любви
Опорочены смехом порока.
И мечты моей крылья, как звезды в крови,
Сбиты в прах мановением ока.

Растерзай мою грудь, черный горный орел,
Вырви сердце и с ним поднимися
В синий мир, где алмазный зажег ореол
Млечный Путь над вершиной Масиса.

Подними мое сердце и мир огляни,
Где оно бунтовало доныне.
И на самой вершине его схорони,
На великой могучей вершине.

* * *

Под лаской солнца синяя вода
Сверкает в море, обнажив глубины.
И облаков серебряных гряда
Венчает гор хрустальные вершины.

И караваны милых журавлей
Несут весну. И от родного клика
Тепло земли восходит от полей
И зацветает горная гвоздика.

И лес звенит. И в зелени ветвей
В истоме сладкой замирает птица.
И сердце замирает вместе с ней,
И мечется, чтоб в песне воплотиться.

И я лечу. И, с ветром на лету
Невидимой соединенный тканью,
Я растворяюсь в мире и цвету
С могучим дубом, с бабочкой и ланью.

И волны моря, сердцу в лад звеня,
Поют во мне живыми голосами.
Вселенная заполнила меня,
И я един с землей и небесами.

Весна во мне. Я радуюсь опять
Ее животворящему приходу.
И сам благословляю, словно мать
Великую и вечную природу.

* * *

Весна-красна зеленой ранью
По мягким радугам в лугах,
Мир овевая лунной тканью,
Прошла с фиалками в руках.

Она достигла тайной цели
На голубой вершине дня.

Но птицы радостно запели
Свой гимн любви не для меня.

Всем жадным сердцем, полным пыла,
Я потянулся на огонь
Ее любви, но сердце было
Пустым, как нищего ладонь.

* * *

Забытый всеми холм в пустынном поле,
Безлюдие и тишина кругом.
Кто этот прах здесь схоронил на воле?
Кто плакал здесь на камне гробовом?

Века идут беззвучным шагом мимо,
И жаворонки славят торжество
Земной весны. Вокруг необозримо
Цветут поля... А кто любил его?..

* * *

И вот я изгнан на года
От своего порога,
И сам не ведаю, куда
Ведет меня дорога.

Кому скажу свою беду,
Земли бесправный житель,
И где, в каком краю найду
Последнюю обитель?

Темно. Заносит мокрый снег
По прошлому поминки.

И нет надежды на ночлег,
И не видать тропинки.

И, как спасения намек,
В холодной, мглистой дали
Не светит тусклый огонек
Лампадою печали.

Лишь только ветер и пурга.
Метель тоски и боли.
...Я не желаю для врага
Такой бездомной доли.

* * *

Любимая! Изгиб твоих бровей —
Меч палача над головой моей.

Мир — лживый сон — и суетен, и пуст.
Любимая! Одна мольба в груди:
Дай мне испить твоих прекрасных уст
Прекрасное вино и — голову руби!

Любимая! Изгиб твоих бровей —
Меч палача над головой моей.

* * *

Бежит вода.
Ручей журчит.
Там ива, как беда,
Молчит.

Мечта не ждет.
Путем простым

Придет, уйдет
И — след простыл.

Льет слезы ива.
Мир жесток.
Игриво
Пенится поток.

* * *

Обними. И тогда
Я почувствую вновь,
Что разлуки года
Не убили любовь.

Улыбнись. И на миг
Засмеется кругом
Мир, как звонкий родник
За родным очагом.

Слово молви. И колос
В полях зашумит,
И томительный голос
В душе защемит.

Осторожно погладь
По моей седине,
Чтобы детство опять
Воротилось ко мне.

* * *

Осанка этой шеи голой
В оправе жемчуга строга.

И, как по мрамору глаголы,—
По гордой шее жемчуга.

Их тусклый свет, их блеск печальный
Не из глубин седых морей —
Из горьких слез первоначальной
Любви и нежности моей.

* * *

Я на мосту Риальто встретил
Твой тонкий стан, твой легкий шаг,
Ночной поток волос, как ветер
В лицо, и — яхонты в ушах.

Два черных солнца из-под черных
Бровей. Их радость и печаль.
В цветах и звездах с непокорных
Плеч ниспадающую шаль.

Два наших взгляда — пламя в пламя,
И тень смущенья, и за ней
Свет, промелькнувший между нами,
Улыбки женственной твоей.

Я не наивен. В сердце скрыто
Смятенье опытом тоски,
А сердце юное разбито
Таким же взглядом на куски.

АНИ[1]

Здесь предки возводили ввысь
Седые стены в дальней рани,

[1] Ани — древняя столица Армении.

Здесь облекалась плотью мысль,
Являя будущего грани.

Ты как сокровище Земли,
Как беспокойный дух народа,
И в исторической дали
Твоя таинственна природа.

Приблизясь к твоему столпу,
Я наблюдаю вещим оком
Событий пеструю толпу
В теченье времени глубоком.

Надвинув шлем, готовясь в бой,
Точу копье, как мне сдается,
И чутко слушаю с тобой
Призывный голос полководца.

Там племя лютое идет
Потопом новых поколений,
Уже грозя зажать под гнет
Твой гордый дух и светлый гений.

Их тьма. И каждый варвар лих.
Их кони мчатся, словно птицы,
И топчут на полях твоих
Литое золото пшеницы.

Века идут. И льется кровь.
И, подчиняясь горна знаку,
Сраженный оживает вновь
И поднимается в атаку.

Ани, ты видишь страх в очах,
И тень тревожную с рассвета,

И затухающий очаг
Огня священного обета.

Ты — наше Знамя и Алтарь.
И наша сила, непокорна,
Ждет, собираясь, как и встарь,
Призывы праведного горна.

В РАВЕННЕ

На вершине Арарата в снег
На мгновенье опустился век
И ушел.

Осветила молнии струя
Чистого алмаза острия
И ушла.

Смертный взгляд, наполненный тоской,
Обращал к вершине род людской
И ушел.

Твой черед на твой ложится путь:
На вершину гордую взглянуть —
И пройти.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Я снова на земле своей родной.
И снова детским наблюдаю взглядом
Свет чистых звезд из вечности. И рядом
Мир чудом предстает передо мной.

Бежит, журча и веселясь, поток,
Как старый друг игры и удивленья,

Качая на зеркальности движенья
Моей судьбы ликующий цветок.

Щебечет птица в синей тишине,
И не спеша, под бременем заботы,
Отец мой возвращается с работы
С надеждою своей наедине.

И милый голос входит в мой покой.
Зовет меня. Пора кончать забавы.
И мать, как солнце на вершине славы,
Меня ласкает легкою рукой.

Смеркается. Над старым очагом
Дымок струится, как душистый ладан.
Беседуют родные чинно, ладом,
И я дремлю, и сказки спят кругом.

И кроме света этого огня
В пустынном мире горя и отравы,—
Ни женщины желанной и ни славы,
Ни золота — не надо для меня.

Хотел бы я туда, в тепло и свет
Начальных дней, чтоб увидать оттуда
Весь мир преобразующего чуда
И тех, кого среди живущих нет.

* * *

Тот дуб, что станет гробом мне
Прощанья в час печальный,
Еще листвою по весне
Ликует в роще дальней,
Но шелестит его тоска
О том, что смерть моя близка.

ДЕТСТВО

Пылало солнце. Тенью злаков
Играла речка — радость всех.
И красных роз, и красных маков
Переливался красный смех.

Сливалось жаворонка пенье
С призывным ржанием коней.
Кипело зелени цветенье,
И крылья ветра бились в ней.

И речка обдавала тело
Брызг изумрудною росой,
И детство песней отзвенело
Под солнцем радости босой.

* * *

Всей беспредельной тяжестью пространства
Вселенная в космической глуши
По странному закону постоянства
Висит на волоске моей души.

* * *

С друзьями детских игр на вольной воле
Под светлым небом беспечальных дней
Мы, деревянных оседлав коней,
Бездумно мчались через гумна в поле,

К далеким странам сказки и мечты,
В прекрасные края воображенья.
... Потом я видел взлеты и крушенья,
Пересекал границы и мосты,

Блеск совершенства в чуждой стороне
Завистливою памятью отметил,
Но тех миров, тех дивных стран не встретил,
Где я скакал на сказочном коне.

* * *

Всё — суета. Всё — проходящий сон.
И свет звезды — свет гибели мгновенной.
И человек — ничто. Пылинка в мире он.
Но боль его громаднее вселенной!

КАЙСЫН КУЛИЕВ

(род. 1917 г.)

С балкарского

* * *

В. Н. Орлову

Я многих на милой земле любил,
И много прошел дорог,
И добрым словом не позабыл
Прославить чужой порог.

И ты мне свой город открыл, как друг,
Судьбы его быстрый бег,
Белых ночей его зыбкий круг,
Зимы его белый снег.

Здесь все тебе дорого: пыль веков
И века грядущего слог.
С этой звездою меж облаков
Когда-то беседовал Блок.

Здесь он умирал, вот в этом дому,
В серый, бесцветный день.
И эта лестница больше ему
Уже не подставит ступень.

А в этом окне жила Она,
И — только что, а не давно —
Он тихо прошел у ее окна
И посмотрел в окно.

Ах, эти окна, их милый свет,
Ошеломляющий нас!
Где-то в снегу затерялся след
Песни моей сейчас.

Быть может, она уже видит сны
Иль сон ее счастьем скуп.
О, вкус смородины и весны
В изгибе славянских губ!

Тут Пушкин жил, Достоевский — здесь.
Там Тютчев прошел как тень.
Ты оказал мне высокую честь
В благословенный день.

Весь город твой, как старинный друг,
Со мной весь день пировал.
И передо мною открылся вдруг
Невиданный перевал.

Я МОГ БЫ СРАЖАТЬСЯ В МАДРИДЕ

Я мог бы сражаться в Мадриде
И пасть за Гренаду в бою.
И солнце, пылая в зените,
Смотрело б на рану мою.

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:

Лик мужества ясен и светел.
Чужбины для подвига нет.

Я отдал бы все без отказа,
Там жизнь бы свою завершил —
И благословенье Кавказа
Дошло б ко мне с древних вершин.

Я мог бы в Мадриде сражаться —
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

СИМОНУ ЧИКОВАНИ

Жить привелось мне без родной земли,
Я видел лишь во сне Эльбруса купол белый,
Шла тень орла по куполу вдали,
И я следил за ней душою онемелой.

Я знал тоску. Мне снился мой Кавказ.
Чегемский водопад и влажный гул Дарьяла.
И годы шли мои, как медленный рассказ
О том, чего в пути недоставало.

Я раскрывал твой том и не смежал ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.
Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный клекот.

Я раскрывал твой том, и прибавлялось сил.
Я видел наяву все, что хранил в помине.
На склонах скал багровый зрел кизил,
И солнечный рассвет струился по долине.

Ронял листву засохшую орех,
Тень от платана поднималась косо,
Форель плескалась, словно детский смех,
В потоке у подножия утеса.

Я раскрывал твой том от родины вдали,
Приобретала смысл иной земля чужая:
Как будто мы с тобой под облаками шли,
Нагорным снегом губы освежая.

Как будто я лежал в тени горы крутой
И Ушбой любовался в светлой рани.
Там пир шумел, и добрым тамадой
Тем пиром правил друг мой Чиковани.

Я раскрывал твой том и на крылах парил
Поэзии, исполненной привета.
За милый мир тебя благодарил
И дожидался своего рассвета.

...Об этом вспомнил я сейчас, взойдя
Уступами на перевал Крестовый,
Увидел наш Кавказ под струями дождя,
Блеснувший в душу мне своей красою новой.

Ты братство пел, лелеял дружбу ты,
Средь мастеров как мастер ты в почете.
Твои стихи — орлами с высоты.
Твои орлы всегда, мой друг, в полете.

Издревле люди любят мастеров —
Гранильщиков камней и ювелиров слова.
С крутых высот Кавказа я готов
Петь мастерство души высокой снова.

Стихом своим ты делаешь Кавказ,
Его вершины выше и прекрасней.
Гора к горе — их не охватит глаз,
И солнце жизни над хребтом не гаснет.

Мой путь с твоим нерасторжимо слит,
Арагви Тереку не посылает вызов.
Пусть эта песня ласточкой летит
И вьет гнездо у твоего карниза.

* * *

Я тебя вспоминал у Адайских высот.
Над чинарами солнечный свет ликовал.
Ты жила в этом мире открытых красот.
У Адайских высот я тебя вспоминал.

У Адайских высот ты врывалась в мой стих
Вместе с зеленью веток, как солнечный луч.
Разгорался рассвет, откровенен и тих.
И чинары молчали у каменных круч.

Я зажег в твою честь полуночный костер
У Адайских высот. Я стоял на краю
Голубых пропастей, перед сонмищем гор,
Ты заполнила полностью память мою.

И с Адайских высот до тебя аромат
Расцветающих трав этот стих донесет,
Где чинары и скалы, восход и закат
Вспоминают тебя у Адайских высот.

Я с Адайских высот посылаю мой стих,
Грохот горных потоков его просквозил,

Он гудел водопадом в ущельях пустых,
Где на острых обрывах алеет кизил.

У Адайских высот для тебя родились
Все слова, что сегодня тебе говорю.
Как в твой лик, запрокинутый в звездную высь,
У Адайских высот я смотрел на зарю.

У Адайских высот, где с отвесной скалы
Водопад ледниковую воду несет,
Где навстречу заре вылетают орлы,—
Я тебя вспоминал у Адайских высот.

* * *

Олень зарю приносит на рогах
Над бездною обрыва под бедою.
Он видит небо синее в горах,
Белеющих над тихою водою.

Как чист источник! Как вкусна трава!
Как свеж прозрачный воздух перевала!
Олень силен и молод. Синева
Безоблачна. И пуля — миновала.

Он знает это... Я к тебе прийти
Хотел оленем юным, а не мулом.
И опоздал. Далекие пути
Меня немного сделали сутулым.

Но мне еще мерещится олень,
Тот, полный силы и весенней неги,
Умеющий увидеть в зимний день
Сквозь белый снег зеленые побеги.

* * *

Рассвет пришел, как первый день творенья.
И в мире все омолодил рассвет.
Принес свое звучанье и значенье
Живущему. Славь молодость, поэт!

Исполнена особого привета
У девушки улыбка на устах —
И зимний полдень превратился в лето,
Лавандой и смородиной пропах.

Конь молодой не уставая скачет.
Снег на заре прозрачен, как заря,
И дерево весеннее маячит,
Как парус в море, и зовет в моря.

Вода земная в молодости чище,
И хлеб насущный вкусного вкусней,
Огонь в пустыне молодость отыщет
И разожжет. Не расставайся с ней!

И солнце светит в молодости жарче
На празднике отваги и весны.
И небеса прозрачней, звезды — ярче,
Явь — сказочнее и прекрасней сны.

О молодость! Ей все плоды в награду,
Птиц голоса и таинство планет.
И радость одолевшего преграду
Дерзания. Славь молодость, поэт!

2 Заказ 1219

* * *

О, этот танец! Этот поединок,
Единоборство смерти и огня.
Он хочет быть свободным, воедино
Живую жизнь с мечтой соединя.

О, этот танец! Он рассвет и вестник
О празднике над гибелью беды.
Танцующая женщина прелестней
И радостнее утренней звезды.

О, этот танец! Молния в кромешной
Пустыне подземелий и темниц.
Сквозь легкий сон в зеленой роще вешней
Божественное ликованье птиц.

О, этот танец! Вызов и смятенье.
Он смел и юн. Его душа в крови.
Он как приказ и тихое моленье
О торжестве свободы и любви.

О, этот танец! Как светла и властна
Его судьба — самой любви родня.
Танцующая женщина прекрасна,
Как вечное свечение огня.

ПОЛОВЕЦКАЯ ЛУНА

Поэма

1

Освещается степь половецкой луной.
Облака, словно сны, беспокойны и рваны.
Красной кровью намокла трава подо мной,
И пылают мои обнаженные раны.

Я смотрю на луну. Я раздумьем томим.
Нету судьбам прошедшего ясного счета.
Те, что шли через гибель под ликом твоим,
На земле этой сами оставили что-то?

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая,
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вехи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утехи?

Вы неслись по земле черной бурей пустынь,
В дикой страсти самим разрушениям рады.
Наслаждаясь пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады.

Смутный свет половецкой луны надо мной,
Словно страшная тень от кровавого следа.
И устала луна, и трава под луной
В беспощадности памяти горького бреда.

Ваша боль, ваши раны — на теле моем.
Ваши судьбы меня окружают стеною.
Я к траве припадаю, пронзенный огнем,
Пригвожденный к земле оперенной стрелою.

Я смотрю в этот лик половецкой луны,
Проклиная железную ханскую волю.
И в наплыве застывшей, как кровь, тишины
Я надежде своей умереть не позволю.

Эти звезды разбили мечи надо мной.
И кипчакскую степь раздробили копыта.
Ночь краснеет в степи половецкой луной
И в глаза моей памяти смотрит открыто.

2

В легком танце
При свете багровой луны
Половецкие девушки
Страсти полны.

В их глазах и движеньях
Надежда и страх.
Храбрецы отдыхают
В зеленых шатрах.

Меч протерт ковылем
И запрятан в ножны.
Половецкие девушки
В страсти нежны.

Ночь, как темные косы,
Тепла и длинна.
И траву, и шатры
Освещает луна.

Половецкие девушки —
Юность и стать.
Мне сегодня опять
Этой ночью не спать.

Белый ханский шатер
И туман пеленой,

И зеленая степь
Под кровавой луной.

3

И, может быть, в том танце непрестанном
Кружилась, всех свободней и смелей,
Красивей всех лицом своим и станом,
Прабабушка прабабушки моей.

И красота, и стать ее, возможно,
Всей чистотой любви и молока
Передалась по капле осторожно
В грудь матери моей через века.

И кровь — во мне, в моей судьбе и крови.
В моих словах — их жизни молоко,
Лишь то в потомках оживает внове,
Что в предках утвердилось глубоко.

Их слово возникало, оживая,
В моей строке, придя издалека.
Я — веточка зеленая, живая
На дереве родного языка.

Они умели тихо и сурово
Переносить утраты острой боль.
Через мое сегодняшнее слово
Их слезы проступают, словно соль.

Полынь и пыль в степи кипчакской стары.
Забвение. Ни песен, ни имен.
Толпятся звезды, как в жару отары,
И лик луны — как зеркало времен.

4

Красавица! Я снова в бой иду,
Ты освети мне сердцем путь до срока.
Быть может, снова, победив беду,
Вернусь к тебе по доброй воле рока.

Я в бой бросался с именем твоим.
И ты меня от метких стрел спасала.
Ты приходила в сон — и нам двоим
Ночь звездное дарила покрывало.

Измученный я падал на траву
И вспоминал глаза твои и брови.
Ты светом звезд светилась наяву
И шла ко мне по следу свежей крови.

Но снова в бой жестокий рвется хан,
И ясный день кровоточит пожаром.
Сквозь посвист стрел, через седой туман
Твой лик мне улыбается недаром.

На поле боя мертвые молчат,
И сытый ворон каркает на камне.
Когда меня покроет смертный чад,
Твоя слеза сверкнет издалека мне.

5

Мой предок, закаленный на войне,
Считая храбрость выше всяких правил,
Сидел, как тигр, на бешеном коне
И злую гибель ни во что не ставил.

Он был в своей уверенности слеп.
Пожар и кровь — его судьбы дорога.
Он не растил и не лелеял хлеб
И острый меч считал превыше бога.

Под всадниками, дики и вольны,
Пластались кони днями и ночами.
И лик луны, как лик самой войны,
Темнел над обнаженными мечами.

Вы были храбры, родичи! И страх
Пред вами душу прожигал потемкам.
И, все живое превращая в прах,
Чего же вы оставили потомкам?

Над временем, сама себе указ,
Поет стрела, как варварская лира.
Я знаю вашу храбрость. Но у вас
Я не нашел Спинозы и Шекспира.

Вот ваша жизнь — судьбы моей исток.
И мне нести свою по жизни ношу.
Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу.

Там, в темном незабытом далеке,
Не только страха смертная остуда,
Я говорю на вашем языке,
Признательный душой за это чудо.

Мне горек запах ваших пепелищ.
Моя душа — чужой бедою слепла.
И свой очаг я — голоден и нищ —
В годину горя возводил из пепла.

И я судить вас строго не могу.
У времени — законы жизни строги.
И разные в единственном кругу
Судьбою перекрещены дороги.

В степи полынной затерялся след.
Развеян прах. И сквозь тоску столетий
Из ваших дней идет печальный свет
В мою судьбу, в мои раздумья эти.

И светит одиноко из темна,
Тревожному под стать великолепью,
Простреленная стрелами луна —
Багровая — над половецкой степью.

6

Несется снова конница из мглы
На смертный бой лавиною летучей.
Летят за нами черные орлы,
И солнце багровеет в черной туче.

Сверкает в туче ханской сабли сталь.
В глазах темно. Но я скачу быстрее,
Дрожит земля. И древняя печаль
Отточенного лезвия острее.

Надеждою и гибелью маня,
Пронзает тучи шелковое знамя.
И враг заносит саблю на меня.
И черные орлы летят за нами.

И я скачу. И крови жаждет хан,
И кровь течет, и сохнет на кургане.

И вороны летят через туман,
И черные орлы кричат в тумане.

Не ведаю, где мой последний бой.
Зачем я убиваю — не отвечу,
Летят орлы над гибельной судьбой,
И я лечу погибели навстречу.

О мать моя, из этого огня
Мне не уйти. Иссякла в сердце сила.
Моя стрела уже нашла меня,
Вошла в меня и сердце погасила.

Ни правых, ни виновных. Ночь темна.
И нет на свете ни зимы, ни лета.
Качается кровавая луна
И в черном небе пропадает где-то.

7

Кипчакскую степь осветила седая луна.
Равно одинакова к горечи бед и победам.
На сонной земле и на дальней звезде тишина.
И я в тишине ни земле и ни звездам неведом.

На мягкие травы стрела меня сбила с коня.
Мне хочется спать, но заснуть мне придется едва ли.
Таинственна степь. И погибшие здесь до меня
По боли и ранам сегодня мне равными стали.

Под летней луной, под спокойной звездою тепла
Трава и земля. И полно мое сердце любовью.
Слезою Вселенной звезда с горизонта стекла.
И тихо печаль подошла к моему изголовью.

Не мысль мудреца здесь кагда-то сверкала, а меч!
Не книга, а прах. Не трава, а полынь на кургане.
И черным орлам здесь положено память беречь,
И звездам высоким тревожно светиться в тумане.

Здесь гулом копыт невысокая бредит трава,
И призрак беды над туманной клубится водою.
Как старый табунщик, луну окликает сова,
И пахнет над степью багровый рассвет лебедою.

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

1

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незваным гостем опускался сразу.

Касалась неба древних скал гряда
Со всех концов нагорного аула.
И, как туман, в аул ползла беда
По скалам, поднимавшимся сутуло.

Но скалы горя не могли сдержать —
Нужды и бед неумолимых войско.
Оно врывалось, яростная рать,
И сеяло тоску и беспокойство.

И — нет зерна. И — мрачен цвет камней,
И, словно лед, потоков горных воды,
И небеса — потоков холодней,
И, словно щели, узки огороды.

А дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна.
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжимает зерна.

С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий.
И кукурузу горец вез с равнин,
И зернам нартов[1] радовались дети.

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось,
Где горек хлеб и тяжела беда, —
Шесть дней в том мире мне прожить
досталось.

В ауле нашем был бедняк один
С нуждой своею — постоянным гостем.
В живых ему остался младший сын,
А старших путь оборвался погостом.

Как терпит камень жар огня и лед,
Так он терпел обиду и тревогу.
«Нас проклял сатана. И не найдет
Никто из нас счастливую дорогу».

Две дочери заснули смертным сном.
Как две звезды, — их оспа погасила,

[1] Зерна нартов — кукуруза.

Как два цветка нагорные. Потом
Двух сыновей взяла к себе могила.

Один от тифа умер. В снегопад
Другой сорвался со скалы прибрежной.
Живым остался младший, Бекболат,
В дому тоски единственной надеждой.

Мать, Халимат, молилась за него,
Седой отец о нем молился тоже,
Чтобы в земной юдоли ничего
Его судьбы не омрачило, боже.

Был склон горы кладбищенской горбат.
К могилам свежим в зарослях кизила
С горящим сердцем часто Халимат
В вечерний час тропинкою спешила.

Там, сердце погружая в темноту
Отчаянною смертною тоскою,
Погасли звезды матери. В цвету
Четыре вишни срублены весною.

Теперь на небе матери одна
Горит звезда. И как же не бояться?
И ночь кругом. Тропинка не видна,
И утреннего света не дождаться.

Среди застывших каменных громад,
Оплакивая горькую утрату,
У очага садился Азамат,
И звезды не светили Азамату.

Он не сумел своих детей спасти —
Позвать врача или добыть лекарства.

В долинный мир отрезаны пути
Из диких дебрей каменного царства.

Я вижу саклю, вижу скудный свет
И Азамата каменную спину,
Заплатами рыжеющий бешмет
И бороды колючую щетину.

И я, двухлетним мальчиком, просил
У Азамата самодельный ножик
И, бегая по сакле, голосил,
Держа в руках ножны из черной кожи.

О Халимат, прости меня! Тогда
Знать было сердцу моему откуда,
Что есть на свете горе и беда,
В которых не спасает даже чудо.

Что много му́ки в сердце. А муки́
Ни горсточки, в переднике — заплата.
Как эти годы детства далеки...
А я, как брата, помню Бекболата.

Вот он меня, на зависть детворе,
Сам из себя коня изображая,
Катает долго на своем дворе,
Потом везет, на ослика сажая.

Вот мы уходим к берегу Жилги,
Летит в поток волосяная леска,
И от нее расходятся круги,
Потом она, натягиваясь резко,

Звенит и вылетает. Наяву,
Подобная невиданному чуду,

Живая рыбка падает в траву.
Я этого до смерти не забуду.

А Бекболат, от радости смеясь,
Мне отдает ту рыбку на удачу.
И я тогда, богатый словно князь,
В восторге счастья и смеюсь, и плачу...

Форель и впрямь, как слиток золотой,
Горит и вырывается упрямо.
И, как цыпленок, я бегу домой,
Чтобы со мной порадовалась мама.

Вот Бекболат у сванов, в стороне,
За перевалом, недоступной глазу,
Два яблока выпрашивает мне,
А я не видел яблока ни разу.

Я помню звезды над горбом горы,
Ущелья, утонувшие в туманах.
И Бекболат до утренней поры
Мне сказки говорит о великанах.

Нет, я не знал, что нет в горах бедней
И горестнее жизни Азамата,
Не мог понять, как смерть живых людей
Несет туда, откуда нет возврата.

И почему у одного — коней
Лихой табун, играющий на склоне,
А у другого — ветер меж камней,
Пустой очаг и ни осла в загоне...

А золотые рыбки, и хребты
Лиловых скал, и Бекболата сказки

В моей душе тревожили мечты
И поселились, смешивая краски.

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил
И горы глухо отзывались гулом.

О детства промелькнувшие года,
Душа моя не вами ли крылата!
...И в горести, и в радости — всегда
Я неизменно помнил Бекболата.

2

Белоказаки в горы ворвались,
Тень виселиц застыла на дороге,
Огнем пожара опалило высь,
Запричитали женщины в тревоге.

Слеталось и кричало воронье
Над темною тесниною Чегема,
В тот день отец мой, зарядив ружье,
Обнял меня и попрощался немо.

Аул Чегем разграблен был сполна,
И в нашей сакле настежь дверь открыта...
Там весь запас последнего зерна
Рассыпали под конские копыта.

И мать моя, прижав меня к груди,
Рассвет встречала, сидя у ограды.
Кровавые дороги впереди,
Туман и партизанские засады.

Потух огонь в холодных очагах,
Как мамина случайная улыбка.
И уплыла на легких плавниках
И не вернулась золотая рыбка.

Забыл в те дни про сказки Бекболат
И про меня, иною занят целью.
Он в партизанский убежал отряд,
Как тень в ночи, по темному ущелью.

...И партизаны выгнали врага,
Как гонит буря снежную лавину.
Но, встретив пулю, в мутные снега
Упал мой друг без памяти на спину.

Его под буркой привезли в аул,
Понуро кони разминали слякоть,
Клубился снег, и ветер скалы гнул,
И не решались женщины заплакать...

Они над ним сомкнули тесный круг.
А я, освистан снежной круговертью,
Спал в эту ночь, не зная, что мой друг
В бреду и муке борется со смертью.

К нему под утро привели меня,
Но Бекболат навстречу не поднялся.
Кого-то призывая и кляня,
Он, как огонь, под буркою метался.

Я в бледный лоб его поцеловал,
Просил подняться со своей постели,
Чтоб мы опять пошли за перевал
И наловили удочкой форели...

Я знал его. Я был на все готов,
Рукою бурку стаскивал с кровати...
Тогда я слышал много разных слов
Неслыханных, не для моих понятий.

Откуда было мне тогда понять,
Как может, на пути подкарауля,
К постели Бекболата приковать
Мизинца меньше маленькая пуля...

А он кричал: «Винтовка... Мой бешмет...
Где мой карман!..» — и падал,
как в тумане,
Я слушал молча раненого бред:
Что за бешмет и что в его кармане?..

Но взяли бекболатовский бешмет —
Кровь по нему разводами заволгла...
В его кармане отыскав портрет,
Все в очередь рассматривали долго.

Недоуменный отводили взгляд,
Пожав плечами, становились с краю.
И, посмотрев, сказала Халимат:
«Средь родичей такого я не знаю...»

3

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.

Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекболата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

И в книге той я увидал портрет,
И память озарилась ясным светом:
Я вспомнил бекболатовский бешмет
И дома стал рассказывать об этом.

О первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лет паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое впору!
Сын пастуха, его мечтой горя,
Весь мир увидеть поднялся на гору.

Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,

К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит буря, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

4

Прошло еще три года. В третий класс
Я торопился каждый день с друзьями.
И книги завораживали нас,
Теперь уже не расставаясь с нами.

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп.
Жизнь — неполна, а все дороги — узки.

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающий сурово,

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда вы так внимательно глядели,
Наверно, вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью
Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатьич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставлю вам над вашею могилой.

Я свято вспоминаю о поре,
Где счастью сердца не было границы,
Как я читал ребятам на дворе
Заветные о Ленине страницы.

Читал родным и матери читал,
Гостям, соседям, путникам бывалым,
Табунщикам, чей зоркий глаз видал
Свет новых звезд над горным перевалом.

Я понимал, что их глаза смелей
Надеждой окрылялись понемногу,
Как у застрявших на скале людей,
В долинный мир увидевших дорогу.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами, как гора,
И наши души поднимала в горы.

И русский мастер с топором в руках
С артелью горцев каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Мы прикрепили Ленина портрет
Над самым входом, на стене веселой.
И весь аул, как мотыльки на свет,
Спешил сюда полюбоваться школой.

Теперь учительствовал Бекболат,
Свою учебу кончив раньше срока.
Я этой встрече был не меньше рад,
Чем золотистой рыбке из потока...

Был чист и светел звонкий школьный зал,
Все пионеры в сборе были в зале.
И нам учитель новый рассказал
О тех боях на снежном перевале,

Когда его под буркой привезли
Друзья в аул и встали к изголовью
И на груди простреленной нашли
Портрет, залитый Бекболата кровью.

«Не узнаю»,— сказала Халимат
Тогда и наклонилась над портретом.
А он для сына был родней, чем брат.
Откуда знать она могла об этом?..

Нам тот портрет учитель показал.
С него глядел Ильич, глаза прищуря.
И наш учитель видел по глазам,
Какая в душах бушевала буря.

И зависть мы не прятали свою,
Не знали мы, что с Бекболатом вместе
Придется нам идти в одном строю
Дорогой справедливости и мести.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
Но не уступит ленинское знамя,

Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату.
...Откуда ж в девятнадцатом году
Попал портрет в ауле к Бекболату?

Жил с нами рядом ссыльный Михаил,
Рабочий русский, мастер на все руки.
Он печи клал, игрушки мастерил,
Столярничал и плотничал в округе.

В горах он прожил долгие года,
Родным для нас, ни бедно, ни богато.
Из рук его и перешел тогда
Портрет вождя под сердце Бекболата.

...Сам Бекболат теперь сутул и сед,
Согбен уже трудами и годами,
Но тот давно подаренный портрет
Под ленинскими носит орденами.

Нас на рыбалке видели не раз
Как двух друзей у быстрого потока,
Проходит время, как ночной рассказ,
Старинным другом начатый до срока.

Я дружбу нашу свято берегу,
Она горит в душе моей так чисто,
Как первый бой за перевал в снегу
В душе седого друга-коммуниста.

5

В Москве мело. Снег шел со всех сторон,
Как в наших скалах, самый чистый в мире.
Я вышел с Бекболатом, удивлен
Всем, что увидел в ленинской квартире.

Железная солдатская кровать.
Шаль на кровати. Ситцевые шторы.
А ум его миры умел объять,
И должность высока была, как горы.

Я видел шали темную кайму —
В горах у нас такие носят шали,—
Мать подарила эту шаль ему
В час расставанья, в горький час печали.

В изгнанье время медленно текло...
И от родных за тридесятой далью
Он, засыпая, чувствовал тепло
Родной души под материнской шалью.

И лучшая на целом свете мать
До сына снова не могла добраться,
И сыну больше не пришлось обнять
Родную мать и встречи с ней дождаться...

Он жил, как все, кто, не жалея сил,
Хлеба растил, пускал чугун из домны,

Хотя всегда на целый мир светил
Своей душой, чьи помыслы огромны.

Ни с чем нельзя сравнить его труды,
А сам он жил в квартире небогатой,
Ел хлеб, как все,— от белой лебеды
И отрубей сухой и горьковатый.

Здесь, по Кремлю, подошвами стуча,
Он проходил походкою торопкой,
Надев пальто, у левого плеча
Заштопанное аккуратной штопкой.

Цари и графы, ханы и князья,
Ценою человеческой печали,
Паркетами вощеными скользя,
Вы только нищим золотом блистали.

Что вам народ, его печаль и труд,
Плоды и хлеб, добытые рабами!
Репейник и крапива прорастут
Над вашими забытыми гробами!..

Я вышел с Бекболатом, про себя
Судьбы великой повторяя повесть.
В Москве мело. С вершины декабря
Клубился снег, чистейший, словно совесть.

Снег оседал на позолоту глав
Церквей старинных и летел на крышу.
Мы молча шли Кремлем Московским, став
Добрее сердцем и душою выше.

Мы шли, и каждый думал про себя,
Свои шаги отмеривая мерно,
Как Ленин, удивляясь и любя,
На снег такой в окно глядел, наверно.

И Бекболат в метели снеговой
Сказал слова с неповторимой жаждой:
«Что мы сегодня видели с тобой,
Увидеть должен на планете каждый».

6

Разноголосы в мире соловьи,
По-разному текут ручьи и реки.
В ауле каждом правила свои,
И голос свой дан каждому навеки.

Любой живой по-разному живет —
За перевалом и у перевала.
И мой ущельем стиснутый народ
Своя беда в пути подстерегала.

Едва живой въезжал в аул мой дед
На одноухом муле из долины
По тем тропинкам, где случайный след
Стирали камнепады и лавины.

Тот след петлял по осыпи камней
Ущельями, кинжальной у́же раны.
Был мой народ, как древний Прометей,
Прикован к скалам, спрятанным в туманы.

Он камнем стал в теснинах рыжих скал,
Свой хлеб из камня выжимая черный,

Но только камень жалобы слыхал
Души народной о судьбе упорной.

Он в сонмы звезд бесчисленных глядел,
Ждал откровенья разуму и глазу.
Не раз без хлеба на воде сидел,
Но мужества не уронил ни разу.

Он песни пел. Как звезды, в них жива
Тоска и боль. Их давний путь просторен.
И мельницы крутили жернова,
Хоть ран на сердце было больше зерен.

Его герои к золотой поре
Мечтой тянулись из ущелий тесных
И гасли так, как звезды на заре,
Их имена навек остались в песнях.

Как солнца свет, светили до конца
Через обиды, горечи и годы,
Кровоточа, отважные сердца
Твоих абреков — рыцарей свободы.

Ты все познал, мой каменный народ,
Свои дороги не коврами выстлав!
И жизнь твоя в пословицах живет,
Исполненных трагического смысла.

Ты сам сказал: «На чью арбу залез —
Того и песню запевай в дороге».
Арба, скрипя, ползла наперерез
Ущельям через горные отроги.

Ты сам сказал, что «мужество души
Ломает скалы» — и поверил в это.

Светильника души не потушил —
Пронес его до самого рассвета.

Оно пришло, как солнце сквозь туман
В ущелье, знамя ленинского дела.
Был свет его сияющий багрян —
Кровь храбрецов на знамени горела.

И мужество, которое ты нес,
Орлиным взмахом развернуло крылья,
Арбу насилья сбросив под откос,
Отрезав в горы все пути насилью.

И каменные жалобы твои
Душой своею чутко Ленин слышал.
Ты шел за ним сквозь дебри и бои,
Чтоб видеть дальше — поднимался выше.

7

Апрель в то утро, горы веселя,
Одел, наверно, легким пухом ивы,
Зазеленела горная земля,
Запенились чегемские извивы.

И маки разбежались по земле,
И в этот день на дальней Волге где-то
У русского учителя в семье
Родился мальчик в тихий час рассвета.

Был звонкий крик, а может, первый плач
Открывшего на мир глаза пострела.
И, как всегда, готовился палач,
И дожидались узники расстрела.

И, как всегда, мой дед спешил в аул,
И осыпалась горная порода,
И оступался длинноухий мул
У каменной ограды огорода.

А Азамат чужие гнал стада.
Цвела на скалах шапка заревая,
И на пиру богатом тамада
Зевал, об утре не подозревая.

Десятилетним мальчиком Кязим[1]
В бешмете рваном по дороге старой
Высоко в горы с посохом своим,
Наверно, поднимался за отарой.

Откуда было знать ему о том,
Что, став поэтом гор, через полвека
Он будет славить вещим языком
Рожденного в то утро человека?

Ткачи, как прежде, на работу шли,
Шахтер врубался в каменные своды...
Откуда знать в тот день они могли
О сердце народившейся свободы?

Не знал об этом горестный мужик,
С картошки еле волочивший ноги.
Не знал пастух, закутанный в башлык,
Застигнутый бураном у дороги...

Я вечно буду славить этот день,
Он для меня высоким светом светел,—

[1] Кязим Мечиев (1859—1945) — балкарский народный поэт.

Мы без него бродили б, словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел,

Как серый пух убитого орла,
И наш язык пропал бы бесполезно,
Как конь, окровенивший удила,
Подстереженный каменною бездной.

Но он не сгинул в смутном далеке,—
Я стих веду, как поводами правлю,
Пишу стихи на этом языке
И тот апрель благословенный славлю.

Пою деревьев той поры красу,
И травы воспеваю, словно друга,
И на траву упавшую росу,
И синий воздух заливного луга;

И свет звезды, и птичий разговор.
Дождя по крышам шум и перестуки,
И сына выводящие во двор
Добрейшие, внимательные руки;

Блеск радуги над Волгою-рекой,
Ее оттенков сполохи живые,
И рощи той березовый покой,
Где он ходить осмелился впервые;

И груди материнской молоко,
И добрых глаз добрейшую улыбку,
И руку, покачнувшую легко
Бессонной ночью маленькую зыбку;

Ораву босоногой детворы,
С которой Ленин заигрался в прятки,

И тот букварь, прочтенный до поры,
В обложке синей школьные тетрадки;

И школьный класс, гудящий роем пчел,
И книги, пережившие столетья,
В которых Ленин в первый раз прочел
О злой несправедливости на свете...

Я славлю это, как седой Кязим
Страну Советов вещим словом славил.
Он, совестью чистейшей не казним,
Нам сердце откровенное оставил.

Приветствуя высокой цели жизнь,
Испивший мудрость из ее колодца,
Он говорил о прошлом: «Не держись
За камень тот, что со скалы сорвется».

8

Все лучшее на свете для меня
В поэзии души — открытом храме —
Всей теплотой сердечного огня
Я сравниваю с гордыми горами.

Что слишком часто я пишу о них,
Меня мой критик судит однобоко,
Товарищ Ленин, думаю, мой стих
Не заслужил подобного упрека...

Пусть упрекают. За перо берусь —
Толпятся горы у стихотворенья.
Мне вот сейчас, пожалуй, лишь Эльбрус
Один бы пригодился для сравненья!

Всегда видна с заоблачных вершин,
Как сердце друга, дальняя равнина.
А все, что Ленин на земле свершил,—
Для всех веков великая вершина.

О мой Эльбрус! Ты и высок, и бел.
Таких вершин в Европе не отыщешь.
Но Ленин выше в развороте дел,
И мысль его снегов Эльбруса чище.

За мир познанья я в него влюблен,
Его идеи ревностный служитель,
А он был прост, сердечен и умен,
Внимателен и мягок, как учитель.

Он был в дерзанье революций смел,
Народы за собою поднимая.
И он умом миры обнять умел,
И был задумчив, как поэт, мечтая.

Построить мост в грядущее сумев,
Он строил планы, чей размах огромен,
И слушал, от восторга онемев,
Как ликовал по клавишам Бетховен.

Я всей душою в Ленина влюблен.
Он для меня — всегда орел в полете.
И вижу я, как раскрывает он
Том Тютчева в старинном переплете...

Играет с ребятишками... Затем
Смеется с ними звонко, балагуря,
И видит не открытое никем
В той стороне, где закипает буря.

Я вечно славить Ленина готов.
И воздух свеж. И мир души не тесен.
Спеши, мой стих, ручьем от ледников
В людское море радости и песен!..

Пусть грозные и светлые года
Идут, как ливни через горы прежде.
Но с Лениным народам никогда
Не потерять своих путей к надежде.

Он больше всех для радости людской
На свете делал и оставил свету,—
И в горести, и в радости простой
Зовет вперед. Иной дороги нету!

Как вешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая,—
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная!

ПЕРЕВАЛ

Поэма

Памяти Дмитрия Бычкова

1

На перевале буря бьет. В провалы
Сползает снег обвалом с темных скал.
Кто сосчитает путников бывалых,
Чьи кости стер в провалах перевал!

Столетний лед. Ни тропки, ни дороги.
Короткая дорога — далека,

Так далека, что показалась многим
В последний миг длиннее, чем века.

Над ними ветер захлебнулся воем
И над провалом пропасти утих.
Глубокий снег им вечным стал покоем,
И поседели матери у них.

2

В ауле у подножья перевала,
Спасенья ожидая от врача,
В смертельных муках женщина рожала,
В постели жесткой плача и крича.

Крик о спасенье, смятый бури гулом,
Под снежными обвалами пропал.
Как вечность, меж больницей и аулом
Поднялся неприступный перевал.

Свистит буран и снегом бьет над бездной,
И грохотом отбрасывает крик.
И не пробраться по тропе объездной,
Есть только путь сквозь бурю, напрямик.

Но конь от бури повернет обратно,
Не пролетит сквозь бурю вертолет.
Там гул лавин повторен многократно.
Там снег клубится, превращаясь в лед.

Там голый камень с острым снегом смешан,
Там с ветром перемешан снегопад.
Туда пробраться может только пеший,
Вслепую пробираясь, наугад.

3 Заказ 1219

И там, в ауле, на границе смерти,
Два сердца догорают, как свеча.
«Он человек, и он дойдет, поверьте»,—
И молча дожидаются врача.

Там ждут врача и там глядят с надеждой
В седой туман, нависший над горой.
Кто проскользнет под буркой бури снежной
Через разгул метели гулевой?

Там ждут врача. И провод телефона
Дрожмя дрожит, натягиваясь весь,
Трещоткой оглушительного звона
Подчеркивая горестную весть.

Там ждут врача. На телефон с укором
Глядят, как на ненужный реквизит.
А снег валит и ледяные горы
На каменные горы громоздит.

А снег валит, клубится у порога,
И каждая секунда дорога.
И на аул спускается тревога
Тяжелая, как горные снега.

3

И вот Азрет сбирается в дорогу.
Душа его тревогою горит.
«Не будь мальчишкой, подожди немного,—
Азрету старший фельдшер говорит.—

Метет буран. Хоть вылези из кожи,
Не одолеешь ночью высоты.

И никому помочь уже не сможешь,
Когда погибнешь под обвалом ты».

«О нет, Омар, я все ж пойду! Иначе
Как посмотрю я завтра на рассвет?
Я горец по рождению, и, значит,
Мне в малодушье оправданья нет,

Ведь мой отец на Ленинградском фронте
О том не думал в свой последний час,
Что упадет в бою на землю мертвым,—
А выполнял своей земли приказ.

И я пойду! Иначе я гордиться
Не вправе буду именем отца.
Героя сыну трусить не годится.
Уж лучше в пропасть — честно, до конца.

Пускай уж лучше ледяные камни —
Не тяжесть страха — давят сердце мне.
Судьбой своей я вечно буду равным
С отцом своим на милой стороне».

4

«Иди, Азрет!— сказала мать Азрету.—
Будь как отец». А на своем веку
Мать сто мостов прошла по белу свету,
Решимости не обронив в реку.

Она могла увидеть сына мертвым,
Но трусом видеть сына не могла.
О женщины, вы в нас вселяли твердость,
В наш трудный век она не подвела.

И мать Азрета в этот вьюжный вечер
Накинула чернее ночи шаль,
И вместе с шалью ей легла на плечи
Тяжелым камнем новая печаль.

«Иди, Азрет!» Но смутную тревогу
Не выдало спокойное лицо.
И сын ушел в последню дорогу,
И буря снегом замела крыльцо.

«Иди, Азрет!» И сын ушел из дома,
Как уходил отец в последний раз.
А мать смотрела на очаг знакомый,
В тревоге смутной не смыкая глаз.

О матери и жены,— видно, чище
Нет ваших душ, что вырастили вы.
Что наша жизнь без мужества? Кладбище.
Сад без плодов. Деревья без листвы.

За нами сыновья идут по следу
Сквозь бурю века, не жалея сил.
Без гибели храбрейших нет победы,
Нет жизни без заснеженных могил.

Простите нас за то, что в стынь и слякоть,
Встречая смерть от пули и клинка,
Мы вас в тревоге заставляем плакать.
А жизнь идет. Дорога далека.

5

Валится снег. Густой туман клубится,
Заводит ледяную карусель.

Ущелье воет раненой волчицей,
Ломает крылья белая метель.

Свистит метель над снежным перевалом.
Сплошная тьма — ни тропок, ни дорог,
О сколько, буря, путников бывалых
Над пропастью ты сваливала с ног!

Азрет идет. Бураном лед обколот,
И рваные осклизли острия.
Попеременно то огонь, то холод
По телу пробегают, как струя.

Идет Азрет, как ходят в штыковую,
По осыпи сползающей, на склон.
А буря бьет в упор, напропалую,
Орудиями с четырех сторон.

Язык обвала слизывает тропы,
И режет снегом ветер боковой.
Уступы неприступны, как окопы.
Здесь, может быть, трудней, чем в штыковой.

Здесь каждый шаг — как под смертельным
дулом.
Как под прицелом темной пустоты.
Обвалом снежным камни повернуло,
Они ползут, как танки, с высоты.

Идет Азрет. Ползет. Как ледорубом,
Цепляется руками за скалу.
В отчаянье прикусывает губы
И вновь сползает в ледяную мглу.

И снова вверх. И кажется, что прорван
Сегодня ад и выпущен на свет,
И снег валит, клубится снега прорва,
Грохочет тьма. Вперед дороги нет.

Ни огонька. И темнота, как тина.
Слабеет в напряжении рука.
«Назад!» — грохочет снежная лавина.
«Иди, сынок!— звучит издалека.—

Я голову дыханьем отогрею,
Я поцелуем лед сниму с бровей,
К груди своей прижму тебя. Скорее,
Смелее поднимайся, не робей!

Не бойся только. Сердце мое рядом,
С тобой сейчас. И видишь, впереди
Твоя дорога материнским взглядом
Освещена над пропастью. Иди!»

Азрет встает. Идет вперед. И снова
Нащупывает выступы нога.
А мать сидит и смотрит на багровый
Огонь мерцающего очага.

«Не дай, аллах, погибнуть сердцу сына,
Как я не дам погаснуть очагу».
Ревет буран. Туман клубится синий.
Качается Вселенная в снегу.

Подбрасывает мать в огонь поленья,
И веселей огонь запировал.
Ползет Азрет по каменным ступеням,
По осыпи скользя, на перевал.

6

Сжимаясь, пальцы на ветру немеют,
Тяжелым снегом застилает взгляд.
Дышать труднее. Губы леденеют,
И ноги, непослушные, скользят.

Ни дерева, ни камня. Мир закован.
Куда ни ткнись — свистящий снег и лед,
Азрет на миг позабывает, кто он,
Где он, куда сейчас идет.

«Иди назад!» — наотмашь хлещет ветер,
Пронзительною злостью обуян.
И кажется, что все пути на свете
И все дороги схоронил буран.

7

Идет Азрет у пропасти по краю
И слышит строгий голос за спиной:
«Иди! Не бойся, я с тобою. Знаю,
В какой ты путь отправился, сынок.

Иди, сынок! Не бойся. В мире вечен
Лишь только подвиг. Смерть у нас одна.
Она сама определяет встречу,
А я-то знаю, как она трудна.

Я молодым погиб в бою как воин
За нашу землю, жизнью верный ей,
И я, сынок, сейчас тобой доволен:
Ты Человеком стал среди людей.

А если б ты остался дома, рабской
Душою струсил и не вышел в бой,
Наверно б, я в своей могиле братской
Заплакал от позора, как живой.

Тоскуя по тебе, я брал на руки
Чужих детей. Томился без конца:
Перед атакой и в предсмертной муке
Мне не хватало твоего лица.

Ты стал мужчиной, мальчик мой. И очень
Трудна твоя дорога. Продержись
Еще немного. Сделай все, что хочешь,
Но сохрани свою сегодня жизнь.

Иначе мать от горьких слез ослепнет
И навсегда останется одна,
С туманным взглядом холоднее пепла
И сединой белее полотна.

Она меня оплакивала долго
И так же будет плакать о тебе.
Будь тверд, мой мальчик. Нету выше долга —
Взбираться вверх, наперекор судьбе.

Мы никогда с тобой не расставались.
Сегодня твой черед идти на бой,
Я не хочу, чтоб матери остались
Лишь наши фотографии с тобой.

Как будет плакать мать! Взбирайся кверху,
Слез было много, будут — впереди.
Без подвига всё в мире, на поверку,
Засохнет, словно дерево. Иди!

Смелей, сынок! Не отступай ни шагу,
Храбрейший только чувствует на вкус
Прекрасную, высокую отвагу.
Гнилой крапивой умирает трус.

У храброго одна дорога — кверху,
У храброго — к бессмертию ключи.
Он умирает так, как пересверки
Слепящей светом молнии в ночи.

На дне морском не спрячешься
от смерти.
Везде найдет, на плечи взвалит груз.
В глаза заглянет, четкий круг очертит.
И вечной жизни не добьется трус.

Я впереди. Иди за мною следом.
Взбирайся вверх, срываясь и скользя,
Вершины часто заметает снегом,
Но отступать пред высотой нельзя.

Я вижу все. И я сегодня знаю:
Ты Человеком стал среди людей.
Я за людей погиб. Благословляю
Тебя на подвиг и на жизнь. Смелей!

В глаза тебя целую, открывая
Твои глаза, отогревая лед.
Горжусь тобой, но рана штыковая
Мне это громко крикнуть не дает».

Азрет встает. Его не сокрушили
Ни ночь, ни вьюга. Храбростью храним,
Он лезет вверх. Бураном бьет вершина.
И весь аул взбирается за ним.

8

Обрывы слева и обвалы справа.
Седые глыбы ледяной брони.
Буран — на седловине перевала,
По сторонам — аульские огни.

На перевале — ураганом косит.
Вслепую, спотыкаясь, наугад
Идет Азрет, как в штыковой, проносит
Живую душу через этот ад.

Без боя здесь не сделаешь ни шагу.
Но сердце устремляется вперед.
Не эта ли решимость и отвага
Нас по дорогам космоса ведет?!

И ночь в пути, как двадцать лет в дороге,—
Так измотал Азрета перевал.
Азрет добрался и на том пороге,
Где смерть стояла, задыхаясь, встал.

Здесь буря не рвалась и не кололась,
И в тихом ветре он услышать смог:
«Спасибо, милый!..» — материнский голос
И вздох отца: «Ты молодец, сынок!..»

9

Был первый крик спасенной жизни громок.
И солнце засияло впереди.
И улыбнулся в первый раз ребенок,
И мать прижала первенца к груди.

Чабан Адильгери рожденью сына
Был, словно жизни обновленной, рад.
И у врача прощения просила
За все тревоги молча Фатимат.

Азрет стоял, смежив устало веки,
Не ожидая никаких похвал.
Он Человеком был. И Человека
Высокий долг повел на перевал.

В честь сердца человечного Азрета
И мальчика Азретом нарекли,
Чтоб людям нес запас добра и света,
Достойного своей родной земли.

Живи, Азрет! И помни об Азрете.
Как он, не бойся холода и тьмы,
Чрез пропасти, опасности, сквозь ветер
Иди — и будь счастливее, чем мы.

Две жизни ликовали. Жизни ради
Не зря Азрет собою рисковал.
...Смерть повернулась за порогом, сзади,
И медленно ушла за перевал.

10

К полудню распогодилось. И взору
Открылся мир сверкавших солнцем гор.
И радость сердца поднималась в гору,
В блистающий заснеженный простор.

Был счастлив мир. И было столько света,
Голубизны чистейшей чистоты,

Как будто праздник, запоздавший
где-то,
В аулы опускался с высоты.

Новорожденный улыбался свету.
От Фатимат струился тихий свет.
Опасность миновала. Смерти нету.
В обратный путь отправился Азрет.

Он поднялся к вершине перевала.
Снег под ногой подался, застонал,
Лавина по камням загрохотала
И кинулась, и начался обвал.

Он в сторону метнулся от удара.
Лавина повернула напролом.
И он упал, как падает чинара,
Под корень срубленная топором.

Захлебываясь отзвуками гула,
Срывая камни, прыгая, скользя,
Его лавина в пропасть потянула,
Вцепилась в ноги. Вырваться нельзя.

Смерть снова встала на твоей дороге,
Догнала. Забирает. Заберет.
Азрет... Азрет... Тебя не держат ноги,
Стал очень скользким под ногами лед.

«Смерть!» — голосит летящая лавина.
«Смерть!» — повторяют скалы и холмы.
Азрет... Азрет! Ты падаешь в теснину,
И больше нет ни лета, ни зимы.

Живое сердце милый мир покинет,
Над пропастью затихнет круговерть.
И ты свое позабываешь имя.
И сердце останавливает смерть.

Но слышишь ты в последнее мгновенье,
На зыбкой грани смертного конца,
Стон тяжкий матери и сожаленье
Последнее, горчайшее, отца.

Конец всему, что мило и не мило,
Ни страха, ни печали, ни утрат.
У каждого из нас души светило
Своим путем уходит на закат.

11

Шаль черная на весь аул надета.
На улице аула — ни души.
Оплакивали женщины Азрета
И причитали в горестной тиши:

«Зачем ты смерти покорился рано?»
«Зачем пошел на ледяной откос?»
«И матери зачем нанес ты рану?»
«Зачем ты горе матери принес?»

«Зачем в дому последние подпорки
Ты гибелью своею подрубил?»
Мать слушала, потом сказала горько:
«Он правильно, мой мальчик,
поступил».

И, как бы в одобрение, снаружи,
Сквозь причитаний горестную тишь,

Израненной душою голос мужа
Услышала: «Ты верно говоришь:

Я плачу рядом. Боль невыносима.
От слез и боли светлый день ослеп.
Меня оплакав, провожаешь сына,
Единственного. Горек вдовий хлеб.

Прости меня, как должно и как нужно,
Жена моя, за снег твоих седин.
Платить за жизнь ценою малодушья
Я не умел. Оно — не для мужчин.

Как волосы твои сегодня седы...
Дай голову. Прижмись к груди, жена!
Мы поровну с тобой делили беды,
Теперь же будешь бедовать одна.

Не превращал я равнодушье в бога,
Как жалкий трус, оставшийся в живых.
Наш сын погиб. Он шел моей дорогой
И жизнь свою отдал за жизнь других.

А трус живет. Живот растит во благе,
Для ближних не теряя волоска.
Он променял сладчайший вкус отваги
На жирный запах жирного куска.

Трус — в жизни мертв. Мы — в смерти
воскресаем.
Честь человека подвигом храним.
Для трусов жизнь закрыта караваем,
И хлеб отваги недоступен им».

Мать чуткою душою услыхала
Сквозь голос слез, затерянный в снегу,
Сыновний голос: «Мама, с перевала
Я не вернусь к родному очагу.

Мне не подняться больше, не добраться,
Не дотянуться через лед и снег,
К твоей щеке щекою не прижаться,
Не улыбнуться солнышку во сне.

Прости меня! Я не искал погибель.
Я очень виноват перед тобой,
Что слишком поздно смерть свою увидел,
У смерти не отпросишься домой.

Прости меня! Но в той дороге поздней
Я радость принести тебе хотел.
Горят дрова и не дают замерзнуть
Зимою людям — так и я горел.

Судьба людей мою судьбу просила
Через буран идти на перевал.
Чтоб тяжесть равнодушья не давила,
Я сам на плечи тяжесть смерти взял.

Ритм чистый моего сердцебиенья
Тяжелый снег остановил навек,
Как снег нагорный, чистые стремленья
Моей души засыпал горный снег.

Прости меня! Мне оправдаться нечем.
У радости и горя свой союз.
Груз смерти я взвалил себе на плечи.
И на вершину поднял этот груз».

МУСТАЙ КАРИМ

(род. 1919 г.)

С башкирского

ВСТРЕЧИ

1

У двух берез
Веселый ветер
Подол зеленый теребил,
У двух берез
Я утром встретил
Ту, что навеки полюбил.

О, если б это было можно,
Чтоб мотыльком была она,
Цветком я стал бы —
Осторожно
Коснулся б тонкого крыла.

Когда она проходит рядом,
Я встретиться хочу с ней взглядом,
А как посмотрит на меня,
Я цепенею от огня!

2

Стихает шум.
И над дорогой
Застыл рябиновый закат.
А я один вдвоем с тревогой.

Чему я рад?
Чему не рад?

Не жду сегодня никого я
И никого не проводил,
Я только знаю:
Нет покоя
От дум, что в сердце разбудил.

Густой росой
Трава намокла.
Навстречу свету рвется тень,
Волной лиловой хлещет в стекла
Из палисадника
Сирень.

Втекает в окна
Свежий воздух.
Кричат перепела в ночи.
И мотыльки ко мне,
Как звезды,
Слетают роем на лучи.

О, если б в полночи безмерной
Ты мотыльком лететь могла,—
В моей душе
Тебе, наверно,
Хватило б света и тепла.

3

Был вечер,
И автомобили
Летели берегом реки.

Я шел с работы.
Вдруг завыли
Осатанелые гудки.
Растаял где-то в отдаленье
Сирен учебных
Долгий вой.
Меня приводит в отделенье
За нарушенье постовой.

Моя степная недотрога,
А ты зачем пришла сюда?
Я у нее спросил:
«Тревога?»
Она мне отвечала:
«Да!»

Сначала говорили взгляды.
Потом, потом пришли слова.
Той встрече звезды были рады,
Деревья,
Ветер
И трава.

Давным-давно прошла тревога.
Была роса светлее слез.
Нас повела одна дорога,
Дорога мимо двух берез.

ЛУННАЯ ДОРОГА

Бежит, струится от луны
До нашего порога
На гребне медленной волны
Веселая дорога.

Мы долго слушали прибой
На голубом просторе,
Оставим берег и с тобой
Давай отчалим в море.

Дорогу выстелит луна
На этой глади зыбкой.
Нам будет спутницей волна,
Нам будет море зыбкой.

...А волны выше и сильней,
Дорога стала шире.
Чем дальше в море, тем светлей
И на душе, и в мире.

КОЛХОЗНАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Уместились два села
У дубового стола.
Стол согнулся от еды —
Как бы не было беды!
Ой, девушки!
Здесь не сватают,
Не женят
И не замуж выдают —
Жизнь счастливую встречают,
Величают
И поют:
«Веселее лейте,
Наливайте снова!
Пейте,
Не жалейте
Меду молодого!»

Прямо с пода — горячи
Золотые калачи,
А кумыс и мед
В оборот берет.
Ой, девушки!
Бешбармак
Несут на блюде,
Гуся в масле подают.
За столом его встречают,
Величают
И поют:
«Налетай дружней!
Горячо и сладко!
Пей!
Лей!
Не жалей!
Ешь без остатка!»
В пляс пошли, гляди ты,
Юные джигиты,
Девушки-подростки —
Горные березки.
Ой, девушки!
Старики-то, старики
Не удержат каблуки!
Но солидным,
Бородатым
Топнуть громко
Не с руки.
«Давай,
Поспевай!
Подзадоривай!
Пой!
Мой курай,
Подговаривай!»

Уместились два села
У дубового стола.
Стол согнулся от еды —
Как бы не было беды!
Ой, девушки!
Здесь не сватают,
Не женят
И не замуж выдают —
Люди праздник урожая
Величают
И поют:
«Веселее лейте,
Наливайте снова!
Пейте,
Не жалейте
Меду молодого!»

РАСПАХНИ ОКНО

Тучи собираются в лазури,
Ты не бойся, веселей гляди.
Распахни окно навстречу буре,
Молнии крылатые следи.

Громы прокатились по округе
В проблесках стихийного огня.
Ты не бойся! Вспоминай о друге,
Расскажи всем близким про меня.

Что тебя, далекую, утешит?
Ветер, завывая на лету,
Косы расплетенные расчешет,
Молнии рассеют темноту.

Если свет слепящий ночью брызнет —
Это я послал тебе привет.
Если буря — это весть о жизни,
А других не надобно примет.

Тучи собираются в лазури,
Гром незатихающий гремит.
Буду жить, пока грохочут бури,
И гореть, как молния горит!

ЗВЕЗДЫ НА ЗЕМЛЕ

В огнях, в свинцовой круговерти
В атаку конники идут,
И спор о жизни и о смерти
Минуты с вечностью ведут.

Дрожит земля и звезды меркнут
От орудийного огня.
И вдруг седая ночь, как беркут,
Накрыла крыльями меня.

Не тронь меня, проклятый беркут!
Земля, освободи меня!
Но кровь течет, и звезды меркнут,
И нет поблизости коня.

И ночь плыла, и тьма кололась,
Как вороненые штыки.
Я вдруг услышал тихий голос,
Дыханье около щеки:

«Очнись, джигит!» —
Во мраке ночи

Я не заметил ничего.
Я только видел очи — очи,
Как звезды счастья моего.

Зачем мне небо в метеорах
И звезды северных ночей?
Я на земле, где дым и порох,
Нашел родник живых лучей.

Я узнаю России милой
Звезду мою,
Судьбу мою,
Я наливаюсь новой силой.
Я оживаю,
Я пою.

МОЙ КОНЬ

Конь — это крылья мужа...

Мне снился конь, мой друг крылатый,
Товарищ верный бранных дел.
В мою больничную палату
Он словно молния влетел.
Заржал он, рад со мною встрече,
И пена капала с удил.
И человеческою речью
Со мной мой конь заговорил:
«Мне ветры гриву растрепали.
Три долгих месяца сполна
Джигита ноги не ступали
В мои литые стремена.
Я был тебе лишь только верен,—
Бежал я прочь от всех других.

И все искал тебя. Затерян
Был след твой в вихрях огневых.
Еще клинки не отзвенели.
Враг не добит, и степь в огне.
Вставай скорей, джигит, с постели —
Нет без тебя покоя мне!
Когда ты снова тронешь стремя,
На своего взлетишь коня?..»
...О доктор, мне хворать не время —
Скорее вылечи меня!

НЕЗАБУДКА

Был первый гром.
Гроза прошла.
Вода стекла по тропам.
И незабудка расцвела
На бруствере окопа.

Здесь поле боя,
Здесь пока
Гремит стихия злая.
На горизонте облака
Расходятся, пылая.

Но тот цветок
Свои глаза
От солнца не скрывает.
И на ресницах не слеза —
Роса горит и тает.

А для солдата
На войне
Был тот цветок — отрада.

Я знаю, долго биться мне,
Но горевать не надо.

Железный ливень
И гроза
Безжалостны и жутки,
В моей душе твои глаза
Горят, как незабудки.

* * *

Туман, словно вата,
Застыл в камыше.
А что у солдата
Сейчас на душе?

Горит за холмами
Чужих берегов
Далекое пламя
Родных очагов.

Как взгляды любимой,
Сиянье огня
Таинственной силой
Наполнит меня.

Как стелется рано
Туман в камыше.
Но нету тумана
В солдатской душе.

ДАЛЕКО, ГДЕ СОЛНЦЕ ВСХОДИТ

К 25-летию Башкирии

1

Как далеко моя земля,
Любимая навек.
Там солнце вышло на поля
И растопило снег.

Степные ветры в том краю
У светлой Ак-Идель[1],
Как руки матери, мою
Качали колыбель.

Там все мальчишеские сны,
Что не вернулись вновь.
Там двадцать две моих весны
И первая любовь.

2

У нас рассвет едва алел,
А запад был в огне.
Пожар метался и ревел
В далекой стороне.

И пожелтел зеленый луг
В долине Ак-Идель.
Перехлестнула через Буг
Свинцовая метель.

---

[1] Ак-Идель — белая река.

И плач детей, и стон стоял
На сотни верст вокруг.
В то утро в первой битве пал
Мой старший брат и друг.

И птицы подняли галдеж,
Летя навстречу дня.
Печально наклонялась рожь,
Колосьями звеня.

3

Быстрее самых быстрых стрел
Над шорохом травы
В то утро землю облетел
Тревожный клич Москвы.

Недолги сборы. Путь далек.
Труба зовет, звеня.
Джигит проверил свой клинок
И оседлал коня.

Джигитам был неведом страх.
Мы рвались в бой скорей.
Блестели слезы на глазах
У наших матерей.

А день был зноен и хорош.
И оседала пыль
На вызревающую рожь,
На голубой ковыль.

4

Как далеко моя земля,
Любимая навек.
Там солнце вышло на поля
И растопило снег.

Как шел моим родным местам
Весны цветной наряд.
Сегодня даже не цветам,
А камню был бы рад.

Но голубь Родины моей
Метнул тугим крылом.
И громче грома батарей
Ударил первый гром.

На поле боя в третий раз,
Судьбой приведена,
В огне, в дыму встречает нас
Военная весна.

В полнеба зарево встает,
А трудный путь далек.
Мой верный конь не устает,
Не тупится клинок.

5

Орудий грохот. Едкий дым
Сползает по горе.
Звезда над лагерем моим,
Атака на заре!

ОНА БЫЛА СО МНОЮ РЯДОМ

1

В палате лампа голубела.
Слепая боль была остра,
И на меня в тоске глядела
Всю ночь больничная сестра.

«Усни, чего тебе не спится?»
«Да, да усну. Который час?»
Я видел влажные ресницы
И синеву красивых глаз.

Я засыпал под этим взглядом
В сиянье тихого огня.
Она была со мною рядом
И не оставила меня.

2

Я поправлялся. Сизый голубь
Ходил с голубкой по трубе.
И, словно погружаясь в прорубь,
Я рассказал ей о тебе.

Мы сразу как-то замолчали;
Покорно голову склоня,
Она одна ушла в печали,
Но не оставила меня.

3

Весна на большаке изрытом
Водой клокочет и поет.

Опять подкованным копытом
Мой иноходец землю бьет.

Опять в сплошных огнях и громах
Дорог стремительный разбег.
И конь пьет воду незнакомых,
Чужих голубоватых рек.

Но где бы ни был: в тьме дорожной,
В слепящем зареве огней,
Тот образ, светлый и тревожный,
Был всюду в памяти моей.

ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ

1

Вздыхает весеннее море,
На запад уходит волна.
На скалах, на синем просторе
Холодная спит тишина.

Возьми мое сердце и властвуй,
Обдай меня бурей в упор.
Мы с морем встречаемся:
«Здравствуй,
Седой неоглядный простор!»

2

Казалось, что до небосвода
Ревел и клубился прибой.
Под небом недоброго года
Мы горько прощались с тобой.

Над гребнем крутого утеса
Отчаянный ветер трубил,
Упавшего навзничь матроса
За черный бушлат теребил.

Метался огонь над садами,
Поля потонули в пальбе.
Мы тихо, сухими губами
Шептали: «Вернемся к тебе!»

3

Сегодня в победном разгоне
Мы с боем ворвались в залив,
Где мечутся волны, как кони
С седыми султанами грив.

Бери мое сердце и властвуй,
Клубись под ногами, прибой,
Мы с морем встречаемся:
«Здравствуй!
Я снова навеки с тобой».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. Из ее последнего письма

Посадила я весною красный мак,
Мак надежды поливала по утрам.
Все ждала тебя. Смотрела на большак.
Все прислушивалась к западным ветрам.
Мак расцвел огнем и начал увядать,
А судьба сулила ждать тебя и ждать.

Только молодость не розовый туман,
Только верю, будет встреча впереди.
В это время не один потух вулкан,
А любовь сильней горит в моей груди.
Что мне радости мгновенной легкий миг? —
Нужно счастье мне такое, как родник.

Сколько зим ты не был дома, сколько лет!
Если б знал ты, как заждался отчий дом!
Ты вернешься — будет солнечный рассвет
И земля в цветы оденется кругом.
Даже если в зимний день вернешься ты,
На снегу в тот день появятся цветы.

2. Ответ

Тишина лежит над сумраком полей.
Гром железный не спугнет теперь ее.
Я за тридевять полуночных морей
Слышу легкое дыханье твое.
Отдыхают утомленные войска.
Путь далек к тебе, но родина близка.

Сколько пройдено тропинок и дорог,
В скольких реках мой буланый воду пил,
Я себя четыре года не берег,
А любовь твою, далекая, хранил,
Со слезами твой портрет не целовал,
Горе горькое ветрам не раздавал.

Мне в пути была и ведома тоска,
И охватывала сердце мое дрожь...
Наша встреча так желанна и близка —

Ты к груди моей прижмешься и замрешь,
И в последний раз на карие глаза
От смятения накатится слеза.

* * *

С моей любимой уплывает
По Белой белый пароход.
Он сердце болью разрезает,
А не волну вечерних вод.

Волна вскипела и умолкла,
И солнце скрылось за рекой,
Тот пароход увез надолго
Мою любовь и мой покой.

В тревожном, трепетном смятенье
Поют над Белой соловьи.
Не привыкай, душа, к терпенью
Ни в ненависти, ни в любви!

Степные сонные озера
Гниют без ветра в камыше,
Живая мысль потухнет скоро
Лишь только в дремлющей душе.

Застыли шорохи и шумы,
Растаял след. И тишина.
В моей душе вскипают думы,
Как в бурю белая волна.

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА СВАДЬБЕ

Я принес бы вам подарки:
Птиц залетных голоса,

4 Заказ 1219

Луг в цветах, больших и ярких,
Изумрудные леса.

Растекающийся в зное
Звон хрустальных родников,
С неба солнце золотое,
Тень от белых облаков.

Я принес бы вам подарки,
Да не надобны они,—
И без них светлы и ярки
Ваши праздничные дни.

Вся земля, взгляните сами,
Ради счастья, ради вас
Белоснежными цветами,
Как невеста, убралась.

Пусть все сбудется, что снилось,
Все, что радовало глаз,
Чтобы счастье поселилось
В доме запросто у вас,

Чтобы вы не обронили
Это счастье на лету,
Чтобы вы всегда хранили
Первой встречи теплоту.

О ДЕВУШКАХ НАШЕГО КОЛХОЗА

Здесь каждой весной неизменно
В зеленом прибое ракит
Черемухи белая пена
Над медленной Демой кипит.

Здесь лилия, нежась рассветом,
К воде перламутровой льнет,
А с лип осыпается летом
Янтарными каплями мед.

Ночной отстоявшийся воздух
Застыл, как большой водоем.
...Пожалуй, довольно о звездах —
О девушках лучше споем.

Никто в целом мире не сходен
С такой загорелой красой.
Глаза их чернее смородин,
Омытых холодной росой.

На смуглые плечи струится
Тугое сплетение кос.
Осенняя ночь не сравнится
С густой чернотою волос.

Их брови, заметить нелишне,
Как ворона крылья — вразлет.
А губы, как горные вишни,
В погожий созревшие год.

Когда над просторами пашен
Созреет высокая рожь,
Проворнее девушек наших,
Пожалуй, нигде не найдешь.

В работе они знамениты,
Упорны, красивы, сильны.
И лучшие в мире джигиты
Пожизненно в них влюблены.

И если на нашем Урале
Не будешь ты лучшим из всех,—
Я прямо отвечу: едва ли
Тебе улыбнется успех.

Ни слова потом не прибавлю,
Расхвастался, скажут, Карим.
Ну что же! Я девушек славлю —
Пусть звезды завидуют им!

* * *

Прогремел последний залп над водой.
Соскочил с коня джигит молодой.

Видно, был клинок булатный остер,
И джигит его травою отер.

Вдруг заметил он цветок голубой
И склонился над цветком головой.

Долго-долго, опершись о клинок,
Он задумчиво смотрел на цветок.

Может, вспомнил он любимый Урал,
Может, милые глаза вспоминал...

Я не знаю, это дым иль слеза
Затуманили джигиту глаза.

Он поднялся и вскочил на коня.
...Не похож ли тот джигит на меня?

В ДАЛЕКОМ ГОРОДЕ

В больнице, в городе далеком,
Лечил мне раны старый врач.
И свет звезды моей высокой
Гнал смерть и был еще горяч.

А на дворе метель распелась,
Мороз разрисовал окно.
И мне увидеть захотелось
Друзей, оставленных давно.

А ветер шаловливый где-то
Калиткой хлопнул вдалеке...
Я услыхал слова привета
На материнском языке.

Минуты радости крылатой
Переживать нам трудно вдруг:
Ко мне в больничную палату
Вошел мой старый, близкий друг.

Спешу спросить. Не жду ответа...
«Как там живет моя Уфа?
Что пишут там друзья-поэты,
Крепка ль в стихах у них строфа?»

Как будто кто ее заставил,
Душа от радости поет.
А друг мой предо мной поставил
В кувшине наш башкирский мед.

И вдруг пахнуло тихим летом,
Хлебов разливом золотых;

Исходят липы терпким цветом,
И пчелы кружатся средь них.

И жаворонка голос звонкий,
На мальвах капельки росы,
И песни девушек, и тонкий
В лугах зеленых звон косы.

И вдруг ударила с разбега
Метель в оконный переплет...
Но все равно за этим снегом
Весна на родине цветет.

Над нею солнце не заходит
И гонит прочь завесу тьмы.
И в этом вечном хороводе,
В моем краю, в моем народе
Нет ни метелей, ни зимы.

* * *

Всегда тревожно и несмело,
Когда в дорогу провожать,
Ты говоришь, что не успела
Мне слово нужное сказать.

В нем все — горенье и надежда,
Любовь, согретая в груди,—
Вся ты.
Все то, что было прежде,
И все, что будет впереди.

И я хочу, чтоб в час прощанья,
На склоне ветреного дня,

Спокойно это обещанье
Благословило бы меня.

В КРАЮ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Я побывал в краю моей любимой.
Его весну я долго в сердце нес.
Здесь детство с милой пробегало мимо
Веселых подрастающих берез.

Быть может, я иду сейчас, ступая
В ее когда-то промелькнувший след.
Здороваюсь с березами, не зная,
Что им, как ей, наверно столько ж лет.

Земля в цвету. Седой дымок тумана
По берегам окутал валуны.
Спасибо вам, долины Сармасана[1],
Цветы в лугах, свет солнца и луны.

Тебе, земля, и вам, поля и горы,
Сердечное спасибо и привет.
В ее душе — твои, земля, просторы,
В ее глазах — твои тепло и свет.

Ну, здравствуй, юность! Протяни мне руки,
Веди меня зеленою тропой,
Сквозь столько лет тревоги и разлуки
Я наконец-то встретился с тобой.

Как будто мне семнадцать. Я не чаял,
Какие грозы встретятся со мной,

---

[1] Сармасан — река в Башкирии.

Я не успел притронуться к печалям,
Я не коснулся радости земной.

Как будто я еще в воде не плавал,
Не умирал и не горел в огне.
Я как роса в лесу на переправе,
Я как птенец...
Хотя известно мне,

Что розовая мальва, как ни жаждет,
Цвести весною дважды не вольна,
Что ветер не воротится, что дважды
Одна не разбивается волна.

Я это знаю. А на склоне горном
Звенит ручей. Живой водой бежит.
И порослью, и дружной, и упорной,
Подлесок под березами шумит.

И ласточки щебечут. Воздух светел.
Когда б умел, я ласточке ответил,
Заговорил с ней голосом птенца.
...А девушки проходят, я заметил,
На берег Сармасана мимо ветел,—
Какие, чьи по ним горят сердца?

В моей груди огонь такой же властный.
Он не потухнет, если я горю.
«Ну что же, здравствуй, юность!
Здравствуй,
Девичья юность мира!» —
Говорю.

ТРИ ДНЯ ПОДРЯД

...Тяжелый снег идет три дня...
Три дня подряд,
Три дня подряд,

И ноет рана у меня —
Три дня подряд.
Три дня подряд.

...Тяжелый снег идет три дня,
И рана ноет у меня,
А с ней осколок заодно,
Он превратился в боль давно.

Его сырой рудой нашли
В глубинных залежах земли.
Руду тяжелую купил
Король, что ненависть копил,
Что в Руре мину отливал,
А на Днепре в меня стрелял.

Горячей кровью налитой
Гремел рассвет. Потом затих.
И два осколка мины той
Попали в нас двоих.
Один в сержанте Фомине
(Лежит в могильной глубине),
Другой достался мне.

Двенадцать лет он жжет меня...
Тяжелый снег идет три дня.

Придет весна. Опять в снегу
Весной ручей заговорит.

Не стихнет ненависть к врагу —
Ведь кровь металл не растворит.

А раны старые горят.
В Париже третий день подряд
О новых войнах говорят.
...И снег идет три дня подряд.

ПРОЩАНИЕ С КАВКАЗОМ

Расулу Гамзатову

На Урале, наверное, черная осень,
Там по белым снегам стосковалась земля.
Ветерок здесь от моря прохладу приносит,
Желтизной по вершинам платанов пыля.

Золотистая пыль, как румянец на коже,
На зеленых вершинах платанов видна,
На твоих волосах, преждевременно тоже,
Засквозила, как первый снежок, седина.

Эти горы и море напомнят достойно
Твой характер, и мысли твои, и мечты.
Здесь, как ты, эти старые горы спокойны.
Беспокойное море шумливо, как ты.

Здесь плоды, как стихи, на деревьях созрели,
Янтарем отливая в листве золотой.
Светом ясного солнца налиться успели
И наполниться доброй земной теплотой.

И, окинув земли твоей милой просторы,
На прощанье последнее слово скажу.

И на синее море, на дымные горы
Дай еще раз, как в сердце твое, погляжу.

О Кавказ! Для друзей не страшны расстоянья,
Ты мне в память вошел, ты мне в сердце проник.
И «прощай» в этот тягостный мир расставанья
На прощанье не может промолвить язык.

* * *

Глаз не поднять перед твоим лицом —
А я себя считаю храбрецом.
Алмаз и яхонт мой ласкали взор.
На солнце тоже я глядел в упор.
И видеть счастье доводилось мне,
И смерть встречать не раз наедине.
Нет ничего превыше красоты.
А красотой для сердца стала ты.
Глаз не поднять перед твоим лицом —
Напрасно я считаюсь храбрецом.

* * *

Ты говоришь, чтоб я себя берег
Для нашей жизни. Ты всегда в тревоге,
Но я всю жизнь, как конь, не чуя ног,
Скакал на скачках по степной дороге.

А смерть придет — я смерть не обвиню.
Не первый я, и некуда мне деться.
Вот мне тогда упасть бы, как коню
На состязаньях, от разрыва сердца...

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

(1817—1845)

С грузинского

СОЛОВЕЙ И РОЗА

На кусте росистом розы пел и плакал соловей.
Он насвистывал и щелкал, говорил влюбленно ей:
«О мучительница роза, дай увидеть, дорогая,
Как ты ночью рацветаешь, тайну сердца раскрывая».

Но восторгу светлой страсти тоже свой бывает срок:
Ночь спустилась на долину, легкий дунул ветерок.
И, когда певец умолкнул, вышла полная луна —
Вся долина ароматом роз была напоена.

И заснул певец влюбленный, сладкой песней утомлен.
Встало солнце золотое. Птицы подняли трезвон.
Соловей проснулся, замер от нахлынувшей тоски,
Он увидел: с милой розы облетели лепестки.

В бедном сердце, полном грусти, струны все оборвались.
Он крылом в крыло ударил, в голубую взвился высь.
Он запел. И столько скорби было в песне неземной!
«Где мне боль свою развеять, птицы, сжальтесь надо мной.

От рассвета до полночи розу я боготворил,
Не жалел ночей бессонных, песни, жизни не щадил.
Я желал совсем немного, не сбылось мое желанье,
Я хотел расцвета розы, а увидел увяданье».

КЕТЕВАН

Дикий берег Ксани крут.
Волны вольные бегут.
И прибрежных рощ кусты
Смотрят в волны с высоты.

Там сидит в печали горькой под ущербною луною,
Голову склонив к чонгури, тихо женщина одна.
И поет она, и плачет над холодною волною,
И распущенные косы с плеч сбегают, как волна.

Ты, волна, угомонись,
Не кидайся пеной ввысь,
Успокойся, не зови
Чистой преданной любви.

«Почему ты, мой любимый, по какому наговору
Необдуманно и быстро изменил свой мечте?
И мое святое чувство предал горькому позору,
Пренебрег любовью верной и поверил клевете?
Почему ты в час восторга, бесконечно повторяя,
«Я твоим навеки буду!» — мне открыто говорил?
И мою земную радость, не увидевшую рая,
Так поверившую в праздник, необдуманно убил?

Почему ты беззаботность и невинность беззаботно
Покорил, своим признаньем обрекая на тоску?
В день весеннего расцвета, уходя бесповоротно,
Почему ты дал увянуть нерасцветшему цветку?
Без тебя в подлунном мире жизнь безрадостно пустынна,

Есть одно лишь утешенье: вера сердца в мир иной.

Ты когда-нибудь узнаешь, как чиста я и невинна,
И найдешь меня в том мире, и останешься со мной».

Я у бездны на краю
Горький голос узнаю,
Различая сквозь туман
Стан воздушный Кетеван.

На ветру захолодела жизнь, лишенная опоры,
Утешений поздних слезы — не бальзам глубоких ран.
Только имя Амилбара повторили эхом горы,
Перед тем как в белой пене волн пропала Кетеван.

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ[1]

Святая Мтацминда, высоких раздумий гора.
На плечи твои ниспадают небесные росы.
Прекрасны и дики гранитных уступов откосы,
И в отблесках солнца отрадны твои вечера.

Есть таинство тайны в твоей несравнимой судьбе.
И глаз покоряет открытая глазу с вершины
В серебряной дымке цветущая скатерть долины,
И дым фимиама цветы воскуряют тебе.

По этим тропинкам на склоне печального дня
Я здесь проходил, размышляя в глубокой печали.
И вечер был тих, и туманны нагорные дали.
Природа дарила взаимностью братской меня.

Тревожно и нежно сияла ее красота.
И в сердце моем, как подарок, остались навеки

---

[1] Мтацминда — акрополь в Тбилиси.

Высокого неба лазурные чистые реки.
Но мыслям моим недоступна небес высота.

За гранью небесной я сердцем тревожным парю.
Забыв про земное, ищу своим мыслям ответа,
Чтоб сбросить тревоги в обители горнего света,—
Но смертным, увы, не подняться к тому алтарю.

Стоял я и думал, за горную глядя гряду,
А майские сумерки тихо заполнить успели
Дыханием ветра ущелий поющие щели.
И сердце мое находилось с природой в ладу.

На смену печалям приходит улыбок пора.
Ты вечно живая, и склоны твои не угрюмы.
Тебе доверяю свои сокровенные думы,
Ты друг одиноким — Мтацминда, святая гора.

Звезда за луною по небу плыла не спеша,
И сумрак окрестность заполнил своей тишиною.
Что можно сравнить с проплывающей в небе
луною? —
Невинную душу, когда расцветает душа.

Так сумерки шли за высокое темя горы
И мысли в слова облекались, подобные чуду.
Уступы Мтацминды, я вас никогда не забуду.
Мне сердце отрадой наполнили ваши дары.

В мое утешенье тот вечер остался со мной.
Его вспоминаю, когда я печалями сгорблен.
И сразу от сердца отходят угрюмые скорби,
И Сумрак смывается Солнца рассветной волной.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это голос? Почему
Он скорбен сердцу моему?

Лишь только я познать хотел
Мгновенный мир, родной предел
Покинул, где в кругу друзей
Шло время юности моей,—

С тех пор тот голос слышен мне.
Мой ум преследуя во сне
И наяву, сквозь явь и сон,
Твердит одно и то же он:
«Ищи свой жребий, свой удел,
Ищи себе достойных дел».
Не нахожу. Ищу опять.
Мне скорбных дум не отогнать.

Тот голос следует за мной
Упреком совести земной.

Но в чем? Душа моя светла.
Она не сотворила зла.

Ты ангел мой иль демон мой,
Или Судья судьбы иной,
Кто б ни был,— пред тобой стою:
Чем ты наполнишь жизнь мою,
Ответь и тайну приоткрой:
Мне жребий выпадет какой?

ДЯДЕ ГРИГОРИЮ

Кабахи, дядя, родины твоей,
Тебя лишил завистливый язык.
Что может быть на свете тяжелей —
Жить без того, к чему душой привык.

Но в сердце живы милые места
И теневой, и светлой стороной.
В глазах твоих родная красота
Не заслонилась красотой иной.

Тебе в плену на севере невмочь,
Когда в Кабахи свищут соловьи
И украшают праздничную ночь
Пленительные сверстницы твои.

НОЧЬ В КАБАХИ

Люблю окрестности Кабахи, любезные глазам моим,
Прохладу тихой майской ночи, окутанную в легкий дым.
И света лунного нездешний таинственный полунамек,
И освежающий дыханье с Коджор летящий ветерок,
И закипающую бурно и вновь притихшую Куру —
Ее страстей необъяснимых неповторимую игру.
Та ночь была такою тоже, и свет ее меня бодрил,
Я, как обычно, по Кабахи в своем раздумии бродил,
Смеялись девушки, гуляя, и хвастались в кругу подруг
Своею праздничной одеждой, своим изяществом. Вокруг
Их круга юноши толпились, разглядывая их в упор,
Самонадеянно иль робко завязывали разговор.
К себе не видя предпочтенья, ушла за облака луна,
К своим земным прекрасным сестрам законной зависти
полна.

Одна из девушек сказала Кафлану, наклоняя стан:
«...Никто не волен над собою, спой нам, пожалуйста,
Кафлан».
И он запел свободно, страстно, и песня тронула сердца,
И озарила новым светом в азарт вошедшего певца.
И лица девушек застывших, вокруг певца сомкнувших
круг.
И грусть напополам с томленьем сердцами овладела
вдруг.
Среди красавиц в белом платье стояла девушка одна.
Я увидал ее — и в сердце моем оборвалась струна.
Мне стало жарко и тревожно, я сам не знаю почему,
Расчет и смелость изменили мгновенно трезвому уму.
Когда-то я встречался с нею, но красоте не отдал дань.
Теперь она стояла робко, как в окруженье тигров лань,
Я видел, как изгибом шеи прекрасной излучался свет.
Она мой взгляд перехватила и улыбнулась мне в ответ.
И, ободренный этим взглядом, смиряя сердца перебой,
Я ей сказал: «Безмерно счастлив тем, что положено
судьбой
Мне вас сегодня встретить снова...» — И, тихо голову
склоня:
«Благодарю,— она сказала,— за то, что помните меня.
Плохая память нынче в моде. Знакомых помнить —
тяжкий труд».
А я: «Ни годы и ни моды ваш образ в сердце не сотрут...»
От этих слов по белой коже румянец разливался ал,
А ветер между тем украдкой ее одеждою играл.
Потом игриво, беззаботно вдруг легкий приподнял
наряд
И обнажил ее колени, округлые, как виноград,
Потом луна лучом скользнула сквозь ткань по груди
налитой,
И сердце замерло. И мысли пленились этой красотой.

Но в это время кто-то третий, нежней меня и горячей,
Ее по имени окликнул. И — скрылся свет моих очей.

РАЗДУМЬЯ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Я отправился в печали в тишину прибрежных скал
И своим угрюмым думам утешение искал.
Здесь я плакал в мягких травах, откровением дыша,
И сливалась с грустью мира грусти полная душа.
А Кура катила волны в ложе каменных оков,
Отражая в быстрых струях легкий трепет облаков.

Опершись о камень локтем, я течению внимал,
И простор земли и неба бесконечен был и мал.
И никто не ведал в мире, ни сегодня ни вчера,
То, о чем повествовала безглагольная Кура.
Почему, я сам не знаю, в этот час с горы крутой
Жизнь предстала предо мною бесконечной суетой.

В этот час, сосредоточась, размышляя, думал я:
Наша жизнь — сосуд скудельный, миг мгновенный
бытия,
Кто свое насытил сердце, кто нашел всему ответ?
Нет предела превращенью и желанью меры нет.

Даже сильные владыки, чей престол непобедим,
В чьих руках мирская слава, ненадежная, как дым,
Те цари, которым равных нет в обители земной,
Поднимая меч кровавый, ополчаются войной.

На соседние пределы, сея горе, кровь и страх,
Сами гибнут в час урочный и ложатся прахом в прах.
Даже добрый царь не может быть спокойным никогда
В славе доблестных деяний благотворного труда.

В той о будущем заботе государства своего,
Чтобы сын его не проклял в злобе имени его,
Чтоб за ним идущий следом в том далеком далеке
О делах его поведал на достойном языке.

Мы сыны и слуги мира. Нам судьбу его понять.
Слыша мира отчий голос, мы должны ему внимать.
Жалок тот, кого не тронет в мире радость и беда,
Кто живет в миру, о мире не заботясь никогда.

ЧОНГУРИ[1]

Времен томительные звуки,
Воспоминанья горькой муки
Тревожат строй моей души.

Услышу ли в своей печали,
Чтоб струны радостью звучали,
Чтоб боль от сердца отлегла.

В твоем звучанье нет восторга.
Опять струна твоя исторгла
Лишь сердца раненого стон.

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Звезда моей судьбы разгневана давно,
И мне в пылу борьбы любить ее дано.
Тревожно бытие, но для меня близка
Угрюмости ее холодная тоска.

Огонь моей звезды горит через туман,
Но что мне груз беды, тревога и обман,
Когда моя звезда в метель едва видна,
Душа цветет и радость не бедна.

[1] Чонгури — струнный музыкальный инструмент.

В каком бы виде ты ни показался мне,
Огонь мечты — в твоем живом огне,
Души высокий свет, прекрасный неба свет.
И твой привет смывает горя след.

Сквозь сумрачную даль блистай в моем пути
И смой мою печаль, и сердце просвети,
Печальная сестра небесного огня,
Как искрами костра, заворожи меня.

НАПОЛЕОН

«Что принесла мне власть?» — спросил
Наполеон,
И, Францию окидывая взглядом,
Все жертвы славы он увидел рядом
И в сумрак мысли погрузился он.

«Довольно! — он сказал.— Желаньям есть
конец.
Я утвердил свою земную славу,
Мощь Франции и отдал ей по праву
Покорность завоеванных сердец.

Но духу моему мала земная плоть.
Я время в руки взял. И я — его надежда.
На нем величия одежда.
Меня ничто не в силах побороть.

Судьба. Но что судьба? Я с нею наравне.
Мне никогда возвышенная сила
Не изменяла и не изменила,
Не предпочла других питомцев мне.

Соперников не знал Наполеон,
Среди сильнейших мира самый сильный.

Мне равных нет, и даже мрак могильный
Со мной никем не будет разделен».

И много дней прошло. Его огонь потух.
И вновь воскрес по-новому в помине,
И, словно моря гром, тревожит нас доныне
И поражает мир его угасший дух.

КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Твоя открытая душа
Неповторимо хороша
И в голосе, и в пенье.
В твоих глазах, глядящих вдаль,
Мое смятенье и печаль,
В улыбке — исцеленье.

Всегда и всюду в свой черед
Твое явленье, твой приход
Веселием отмечен,
Открытый смысл твоих речей
Отраден, как живой ручей,
Чист и добросердечен.

Я помню все твои черты,
Когда в застолье пела ты
Про «Соловья и розу»,
И в одиночестве своем
Забыл я тем блаженным днем
Своих печалей прозу.

МЛАДЕНЕЦ

Любезен мне младенца звонкий крик
И лепета неведомый язык,
Который лишь способна понимать,
Как радость рая, молодая мать.

Он мир воспринимает без забот.
Он материнской лаской живет.
Заботливой улыбкой осенен,
Земную радость созерцает он.

Он радуется радостью без дум.
Что для него страстей мгновенный шум,
Когда родных рождением одним
Он заставляет тешиться над ним.

Что ж, лепечи беспомощно, пока
Тебя лелеет добрая рука,
Пока не повернулся пред тобой
Превратный мир обратной стороной.

СЕРЬГА

Вот мотылек
Садится на цветок,
И рад нарцисс его прикосновенью,
Так и серьга слегка
В колечке завитка
Заигрывает со своею тенью.

Как счастлив тот,
Кто дух переведет,

Губами тронув завиток под тенью,
Остудит пыл,
Которым полон был,
И передышку даст сердцебиенью.

Кто страсти груз
Прикосновеньем уст
Самозабвенно облегчит избыток,
Душой прильнет,
Пригубив, не прольет
Блаженного бессмертия напиток.

ОДИНОКАЯ ДУША

Кто потерял родных по крови, пусть
В отчаянную не впадает грусть.
Невосполнима в мировой глуши
Потеря только сродственной души.

Утратившие близких и родных
Находят мир в товарищах своих.
Родную душу потеряв, душа
Тускнеет, безнадежностью дыша.

Она теряет веру в этот свет.
Страшась, робеет. Утешенья нет.
Судьба ее не повернется вспять.
И некому довериться опять.

Пред нею одиночество, как ночь.
И радость мира отлетает прочь.
Есть памяти печальной бытие,
И только стон — отрада для нее.

* * *

Любимая! Я не случайно
В твоих глазах запомнил страх
И не доверенную тайну
Мне на замкнувшихся устах.

Но не оплакивали эти
Глаза печали мировой.
И лик твой был и чист, и светел
Прозóрливостью неземной.

Теперь я оценил значенье
Тех слез, сверкавших в тишине.
Они пророчили мученье
Сиротства тягостного мне.

Теперь, когда я вижу слезы
В глазах, твоим слезам сродни,
Сквозь стон моей житейской прозы
Я вспоминаю счастья дни.

МОЯ МОЛИТВА

Боже, взгляни на меня, как отец на заблудшего сына,
Страсти мои, приносящие зло, успокой.
Кто, как не ты — всемогущая воля и сила, —
Грешного сына поддержит надежной рукой.

О всеблагой, не лишай меня благ упованья.
Вспомни: невинный Адам нерушимый нарушил закон,

Жертвуя раем, свои исполняя желанья,
Рая блаженство почувствовал все-таки он.

Жизни источник, источника чистую воду
Дай мне испить и недуги мои утоли.
Челн моей жизни избавь от страстей. В непогоду
Тихую пристань открой мне на лоне земли.

Знающий сердце мое, чем оно надрывается, бьется,
В книге судеб наперед мои мысли прочти.
Что мне еще у тебя попросить остается?
Ты и молчанье мое за молитву святую сочти.

* * *

Ты, словно второе светило,
Рассеяла мрачную тень
И сердце мое просветила,
И светом наполнила день.

Ужель ты явилась навечно
В мою непробудную тишь
И смуту печали сердечной
Минувшим блаженством даришь?

Сияй чистотою лазури,
Раскинь золотые лучи.
В заржавленных струнах чонгури
Молитвою жизни звучи.

Чтоб я, свою радость не пряча,
Блаженное зрел бытие

И в песне, ликуя и плача,
Восславил сиянье твое.

Клянусь, я не ради забавы
Пред светлые очи твои
Кладу отречение славы
Залогом бессмертной любви.

ЕКАТЕРИНЕ, ПОЮЩЕЙ ПОД АККОМПАНЕМЕНТ ФОРТЕПЬЯНО

Касаньем рук
Рожденный звук
И песня-праздник
Уже познавшую обман,
Кровоточащую от ран
Мне душу дразнит.

Я созерцал
Лица овал,
Глаза и шею.
И разум мой
В тоске земной
Следил за нею.

Слеза светла
Из глаза текла
Светлей кристалла,
Грудь облегавшая сполна
Косы распущенной волна
Благоухала.

Лучи очей
Острей мечей

До сердца — мукой.
И улыбался юный рот,
Как роза, вполуоборот
Любви порукой.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Пока на вашу жизнь с улыбкой смотрит утро
И властвует любовь над горечью сердец,
Удары злой судьбы не замечая мудро,
Слезу обид утрите наконец.

За жизнью следом! Медлить не годится.
От пламени любви не отстраняйте лик.
Увы, смешон старик, который молодится,
И трижды жалок юноша — старик.

Хвалю того, кого в любую пору
Любой поры прекрасное зовет.
Довольно будет под гору и в гору
В быстротекущем времени забот.

Когда ж пройдет рассвет и полдень зноем
брызнет,
И ложь вокруг любви замкнет обычный круг,
Я вам даю совет во имя доброй жизни,
Поверьте мне, я знаю тот недуг:

Не увлекайтесь женщиной, чьей целью
Является игра, холодной страсти след,
Влюбленного слова — предлог ее веселью —
Ответную любовь не вызывают, нет.

* * *

Любимая! Бессмертные черты
Твоей души — причина немоты.

Хочу быть солнцем. Протянуть хочу
Закатный луч рассветному лучу.

Хочу звездою быть, предвестницею дня,
Чтоб ликовали соловьи на розах в честь меня.

Хочу, чтоб ты небесною росой
Сверкала над засохшей полосой,

Чтоб влажный блеск росы и солнечная высь
Жизнь озарили и переплелись

И до скончанья мира — без разлук —
Блаженный мир избавили от мук.

Ужель мое желанье не любовь?!
Тогда пусть солнце потускнеет вновь.

И путь земля под мертвой синевой
Не пахнет розой, не шумит травой.

Пусть женщиной обычной станешь ты.
Но ты полна нездешней красоты.

В своей душе несешь небесный свет.
Для чувств моих определенья нет.

* * *

Я обнаружил храм в пустынном мире.
Был освещен светильником придел.
Хор ангелов, играющих на лире
Давидовой, согласно гимны пел.

Я странником, усталым от тревоги,
Искал успокоения привал.
И сердце, злом убитое в дороге,
Светильником священным согревал.

Принес я в жертву вместо фимиама
Своей любви чистейшую зарю.
Под сводами торжественного храма
Блаженствовал и мнил себя в раю.

Но светлый праздник радости не вечен.
Исчез в пустыне заповедный храм.
Блаженства быстро догорели свечи,
И — в сердце мрак со скорбью пополам.

Мой храм исчез бесследно, без остатка,
Спален дотла зловещим светом дня.
И в мире лжи, где пусто все и шатко,
Остался мне светильник без огня.

Любви моей бесплодные свершенья
Не возведут из пепла храм святой.
Превратностью закрыты утешенья.
Я вновь один скитаюсь сиротой.

* * *

Люблю истому глаз твоих,
Вошедшую в свои пределы,
И обрамляющие их
Ресниц пронзительные стрелы.

Я знаю гибель в их огне.
Ведь ими раненный не может
Бежать от них. Понятно мне,
Какая буря их тревожит.

В них и надежда, и приказ,
И исцеленье в смертной дрожи.
И смерть под взглядом этих глаз
Бессмертья смертному дороже.

ГИАЦИНТ И ПИЛИГРИМ

Пилигрим

О гиацинт, где твой отрадный цвет,
Который миру посылал привет?
Где твоего цветенья аромат,
Что опьянял свободной жизни сад?

Гиацинт

О пилигрим, на родине моей
Мне в наслажденье щелкал соловей.
Так май шумит, сверкающ и лучист.
В зеленой роще соловьиный свист.
А я томлюсь в темнице без конца,
Не видя сладкогласного певца.

Пилигрим

Но твой уют надежен и хорош.
Ты утешенье в роскоши найдешь.
От холода и солнца твой побег
Здесь так оберегает человек...

Гиацинт

На что мне роскошь, пленнику в дому.
Темно и душно сердцу моему.
Здесь нет росы. Холодный ключ, звеня,
Не обтекает весело меня.
И ежевики призрачная тень
От солнца не спасает в знойный день.

Пилигрим

Но вспомни зиму, гиацинт. Зима
Тебя спалила б холодом сама.
А здесь от той беды наверняка
Тебя спасет хозяйская рука.

Гиацинт

Последний час на свете есть всему.
Есть срок существованью моему.
Зимой не умирает сад земной,
А встречи ждет с возлюбленной весной.
Когда касатка запоет о ней,
Он зацветет всей зеленью ветвей.
У каждого привязанность своя.
Я расцвету, увидев соловья.

Пилигрим

Пойду искать по миру свой цветок.
Он, как и ты, от родины далек.
И, может быть, засохли от тоски
Врачующие сердце лепестки.

* * *

Змеятся локоны твои
По белой груди.
В глазах моих приют любви
Надежду будит.

Когда же ветер их завьет,
Скользнув по коже, —
Глаза мне завистью зальет
И сердце тоже.

* * *

Суровые ветры живительной жизни красу,
Прекрасный цветок мой, сгубили в зеленом лесу.
Он в блеске рассвета сверкал, обряженный в росу,
Но злобное время росу превратило в слезу.

Когда я увижу засохший его лепесток,—
В постылую жизнь животворный вливается сок.
Но длится недолго обманчивый радости срок,
И миг расставанья с последней утратой жесток.

* * *

Не ставь изменчивость, спеша,
В упрек мужчине.
Его любовь твоя душа
Не тешит ныне.

Увы, не вечна красота,
Дар смертной плоти.
За новой красотой мечта
Уже в полете.

5 Заказ 1219

Но есть другого чувства свет —
Он небом мечен.
Ему в любви измены нет,
Он чист и вечен.

Таких прекрасных душ родству
Бессмертье кстати,
Как откровенье естеству
Во благодати.

Лишь им доступны навсегда
В прекрасном рвенье
Бессмертной истины звезда
И озаренье.

* * *

Впереди бездорожье. Быстрее, Мерани!
Ворон каркнул. Скрываются горы в тумане,
Мчись, Мерани, свистящего ветра резвей!
Тяжкий мрак моих мыслей по ветру развей.

По горам и ущельям над дикою яростью вод
Нетерпенье мое захлестни быстротою в пути.
Через холод и зной, через пропасть земных непогод,
Не щадя седока, обгоняя усталость, лети.

Я покинул отчизну, оставил друзей и родных.
Не увижу любимой и песни о ней не спою.
Свой рассвет и закат повстречав на распутьях иных,
Только звездам поведаю тайну свою.

Только скорости бега и вольности моря
Я остаток любви раздарю, раззадоря

Бурю. Ветер, тоску моих мыслей развей!
Мчись, Мерани, свистящего ветра резвей!

Пусть любимая слез не прольет надо мною в тоске.
Пусть мой прах не схоронят на старом отцовском погосте.
Ворон выроет яму в пустынном сыпучем песке.
Вихрь ревущий засыплет мои одинокие кости.

Словно слезы любимой, роса упадет на меня.
Причитанья родных мне заменит зловещая птица,
Так быстрее лети за предел уходящего дня.
Никогда твой хозяин с уделом своим не смирится.

Пусть умру одиноко, отвергнут судьбою,
Сталь врага навсегда презираема мною.
Мчись, Мерани, свистящего ветра резвей!
Тяжкий мрак моих мыслей по ветру развей.

Но бесплодно стремленье души, обреченной в борьбе.
Путь, пробитый тобой, не исчезнет бесследно, как дым.
Пусть собратьев моих, на извечную зависть судьбе,
Быстроногий скакун пронесет по дорогам крутым.

Впереди бездорожье. Быстрее, Мерани!
Ворон каркнул. Скрываются горы в тумане.
Мчись, Мерани, свистящего ветра резвей!
Тяжкий мрак моих мыслей по ветру развей.

НАДПИСЬ НА ЧАШЕ КНЯЗЯ БАРАТАЕВА

Наполнишь вином —
Веселие в нем.
Выпил? На радость!

МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

Князю М. П-чу Баратаеву

О славный царь, колени преклоняю
И слезы лью над именем твоим.
Ты отдал все отеческому краю —
Он царственным предвиденьем храним.

Дивлюсь твоим пророческим заветам.
Заботы мудрой нахожу следы.
С твоих посевов собираю летом
Высоких мыслей сладкие плоды.

Твои сыны, заветов не нарушив,
Несут домой познаний чистый мед,
Любовь и просвещение. Их души
На севере растапливают лед.

Их добрый труд служения отчизне
Своим восходом озарит века.
И у кормила управленья жизни
Не меч войны, а мирная рука.

На Каспии сиянье голубое,
И шторм затих от Грузии вдали.
И заменили корабли разбоя
На Черном море дружбы корабли.

Мир праху твоему! Разумной силой
Ты гордый дух Иверии вознес.
Она склонилась над твоей могилой,
Над памятником, выросшим из слез.

* * *

Злой дух, наедине со мной открыто говори:
Зачем и кто тебя послал ко мне в поводыри?
Зачем ты разум возмутил, смутил души покой
И веру юности убил безжалостной рукой?

Ты разве это молодой моей судьбе сулил,
Учил помериться с бедой игрой свободных сил?
Среди страданий рисовал блаженный мир услад.
Ты мне свободу обещал и делал раем ад!
Где обещания твои сегодня? — дай ответ.
От светлых помыслов моих где потерялся след?
Где ты скрываешься сейчас, в какую канул тьму?
И колдовство твое теперь бессильно почему?

Будь проклят день, когда тебе доверил я в тиши
Слепую жадность чистоты неопытной души.
Знать, суждено навеки ей, как в пропасти, пропасть.
И жажду духа моего не утоляет страсть.

Злой дух, оставь меня, уйди! Я в мире одинок,
Без ясной цели, без пути. Душою изнемог,
Умом изверился во всем над бездной пустоты.
И горе горькое тому, кого коснешься ты.

* * *

Я высушу слезы, тобою угадан,
Душою твою созерцая красу,
И пепел сгоревшего сердца, как ладан,
Безропотно в жертву тебе принесу.

В глазах твоих — райского лета цветенье.
Улыбка — отрадная суть бытия.

Погибель моя и невеки спасенье,
Безумье и ясная мудрость моя.

Склоняюсь пред этим божественным светом.
Твоим добродетелям жить и сиять.
Ты сделала сердце земное поэтом,
Чтоб этому сердцу тебя воспевать.

ЧИНАРА

На скале одинокой чинара стоит молодая,
Над крутою вершиной высокие ветви сплетая.
Там отрадно мечтать в благодатной прохладной тени,
Под журчанье воды забывая превратные дни.

Катит волны Кура. У чинары закинуты руки,
Шелестящей листвы усыпляюще-сладкие звуки.
Верю в этот язык! Он, как мир, бесподобен и вечен.
Он живей и прекраснее всех человечьих наречий.

Как влюбленный к возлюбленной, рвется в тоске бесполезной
В белой пене Кура к той вершине над сумрачной бездной.
Только брызги летят. А чинара стоит молодая,
И горда и надменна, зеленой вершиной качая.

Если только чинара под ветром нагнется устало,
От обиды Кура темным валом ударит о скалы.
Так же тайно и сильно страдает влюбленный навек,
Свет нездешней любви ощутивший в себе человек.

* * *

Когда я счастлив встречею с тобой,
С твоей улыбкой, радостнее мая,
Я говорю, в глазах твоих сгорая,
Перед твоею и моей судьбой:
Не знаешь ты, как ты любима мною!

Когда разлука повергает в грусть
Мой красотою похищенный разум,
Я, все печали собирая разом,
Высокой скорби сердцем предаюсь!
Не знаешь ты, как ты любима мною!

Я радостью с отчаяньем живу.
Душа моя бессонными часами
То с чистыми роднится небесами,
То кличет смерть, то грезит наяву,—
Не знаешь ты, как ты любима мною?

* * *

Синий цвет, небесный свет,
Неба синего привет,
Первозданный, неземной
С детства светит надо мной.

И теперь, когда остыл
Сердца опытного пыл,
В верности пред синевой
Отвергаю цвет иной.

Я в глазах любви ловлю
Синь, которую люблю,

Светлым облаком чудес
В мир сошедшую с небес.

И мечту земных забот
Синь заветная зовет,
Чтоб любовь сияла там
С синим светом пополам.

Вместо слез родных — на прах
На моих похоронах
Неба синего роса
На мои сойдет глаза.

Жизнь, сгоревшую дотла,
Жертвенная скроет мгла,
И оставит легкий след
В синем небе синий цвет.

* * *

В благословенный день я — чаша — создана
И Марте вручена как радости избыток.
Кого гнетет тоска, пусть пьет меня до дна —
И тысячу скорбей развеет мой напиток.

СУДЬБА ГРУЗИИ

Историческая поэма

Кахетинцам

О кахетинцы, Грузии сыны
Исконные, не ведавшие страха,
Вы узами родства приобщены
К высокой славе Маленького Каха.

И если ныне в Грузии живут
Предвиденья Ираклия во многом,
Вам посвящаю этот скромный труд
И оставляю храбрости залогом.

Когда-нибудь за чашею вина,
В кругу друзей встречая час рассвета,
Перечисляя предков имена,
Не позабудьте имени поэта.

К-зь Н. Б.

Глава первая

«Всевышний пастырь, час подходит лих,
Молю тебя о подданных своих:
На Грузию идущая беда
Тебе сейчас известна, как всегда.

Неисчислимы, господи, враги!
Всезнающий, грузинам помоги!
Над нашею судьбою господин,
Восстанови отечество грузин!» —
Так царь Ираклий вышнего царя
Молил, отечество боготворя,

И, словно жертву к небесам, вознес
Взор, просветленный от горячих слез,
Своим войскам пред битвою веля
Собраться на Крцанисские поля,
Чтоб там достойный получил ответ
Жестокий и могучий Магомет.

И в это время с юга двинул враг.
Сияло солнце, разгоняя мрак,
И озаряло поле. Пред собой
Ираклий видел предстоящий бой
И воинов. И обратился к ним:

«Враг в дерзости своей необратим.
Идут войной неверные на нас.
Решается в неотвратимый час
Благословенной Грузии судьба.

Отваги вашей требует борьба.
Сегодня я, как подобает мне,
Средь воинов — со всеми наравне.
Оружие определит в бою,
Кто больше любит родину свою!»

«Благословен создатель твой, что вновь
Дал нам твою почувствовать любовь! —
Ответствовали воины царю.—
Мы все умрем, чтобы продлить зарю
Твоей судьбы. Ты у грузин один.
И что нам враг! Когда любой грузин
Свою надежду видит лишь в тебе,
Готовый жизнью жертвовать в борьбе
И умереть достойно за тебя!»

Ираклий, по-отечески любя,
Внимал присяге верных сыновей
В признательности искренней своей.

Раскат трубы, как гром, скатился с гор,
Войскам последний объявляя сбор.
И этот звук неукротимых сил

Героям Картли[1] дух воспламенил,
Отважил труса на кровавый час
И душу у храбрейшего потряс.

Жестокий бой подогревает гнев,
Как на добычу разъяренный лев,
Грузины ринулись на персиян.
Волна Куры смешалась с кровью ран,
И покраснела пена у волны.
И обе стороны — распалены.

Сын Моурава — енисенц Тамаз,
И Абашидзе — кахетинский князь,
Капланишвили — истинный герой,
Бараташвили, левой стороной
Командующий, — как один
Кулак, отвагой собранных грузин,
Ираклием соединенный впрок.

В разгаре битва. Подступает срок,
Как предки завещали, в этот день:
Из ножен — шашки, шапки — набекрень.
Порывом общим каждый осиян
И врукопашную на персиян.
Лишь мрак ночной в раздумье погрузил
Врагов и победителей-грузин,
Затихнул бой. Сраженья грозный вид
Грузинского царя не веселит.
Страшна победы дорогой цена.
Здесь юноши стояли, как стена,
За Грузию, за жизнь ее и честь.

---

[1] Картли (Карталиния) — восточное грузинское царство.

Сегодня их имен не перечесть.
Развеяны героев имена.
И памятников нет. И письмена
Молчат сегодня о презревших страх,
Лишь тишина покоит вечный прах.
Но вашу славу, долговечней плит
Могильных, провидение хранит,
Зовет на подвиг и из рода в род
В грядущие века передает.
О вашей славе не умолкнет весть,
Пока о Магомете память есть.

Царь приказал: «Полезней нам теперь
Вернуться в город и захлопнуть дверь,
И укрепиться понадежней там.
Отвага завтра не поможет нам,
Когда нас здесь увидит Магомет.
Его войскам числа и счета нет.
А если мы за крепостной стеной
Укроемся, — в его глазах иной
Предстанет наша сила. На войне
Оправданы все хитрости вполне».
Все согласились с доводом царя
И в ту же ночь, не тратя время зря,
Вернулись в город, мужества полны,
В кольцо гранитной крепостной стены.
Настало утро. Но на этот раз
Лик солнечный за тучами угас,
Какой-то мрачный источая свет.
И подступил к Тбилиси Магомет.
Трехсуточная приступа беда
Не причинила крепости вреда.
И Магомет отдать приказ хотел
Войскам покинуть Грузии предел,

Надежду на победу потеряв.
Но был Иуда. В подлости лукав.
И изощрен в предательстве, и тих,
Пожертвовав сородичей своих,
Твердыню стойкости на берегу
Он отдал вероломному врагу.
Когда Ираклий об измене весть
Услышал, гневом распалился весь.
И был готов обрушить, словно лев,
На Магомета беспощадный гнев,
Но было поздно. Хитрый Магомет
У городских ворот встречал рассвет,
Разыскивая в ярости того,
Кто отнял силу власти у него
Над Грузией, избавив свой народ
От трона иноземного забот.
А в это время доброго коня
Серебряными шпорами гоня,
Мелькая тенью меж гранитных скал,
Ираклий в Мтиулетию[1] скакал.

Глава вторая

Волна Арагвы скалы бьет в упор,
Ей вторит шумом лес на склонах гор.
Накаты небегающих валов
Играют отраженьем берегов.
О милые Арагвы берега,
Отрада ваша сердцу дорога.
Пред этой красотой, легко понять,
Любой грузин не может устоять.

---

[1] Мтиулетия — горная местность в верховьях Арагвы.

Привычно спрыгнет с легкого седла
И позабудет важные дела.
Прервет на время самый срочный путь:
Хлебнет вина, приляжет отдохнуть.
Смежит глаза, пока пасется конь.
Проснется. Воду зачерпнет в ладонь,
Умоется и песню запоет.
И песня по Арагве уплывет,
С ее волной согласно прожурчит,
И дальний путь его не огорчит.

По небу разыгрался, языкат,
Над горной Мтиулетией закат,
И за Арагвой наблюдает с гор
Видавший виды боевой шатер.
В нем царь Ираклий пребывает. Взор
Его скользит по очертаньям гор
В задумчивости, и рука царя
Перебирает зерна янтаря.
С Ираклием советник Соломон.
Его судьба средь доблестных имен
Отечества. С отечеством един
Слуга царя, любимец всех грузин.
Где ныне люди, равные ему
По совершенству действий и уму?

Царь молчаливый долго наблюдал
Игру Арагвы по ущельям скал,
И, тяжело вздохнув, промолвил он:
«Ты знаешь мое сердце, Соломон.
Тебе известна Грузии судьба,
Возможности, и сила, и борьба,
Ты исцелял мне раны в час потерь

Советами разумными. Теперь
Раздумий груз, как сыну моему,
Я доверяю твоему уму.

Я испытал, взошедши на престол,
Дух недоверия и произвол.
И насаждать не просто было мне
Дух преданности в этой стороне.
Я помышлял, что скоро, в свой черед,
Узнает благоденствие народ.
Но что случилось?! Средь родимых гор
Я получил предательства позор!
Теперь особенно позабывать не след,
Как жаждет нашей крови Магомет
В гордыне оскорбленной. Каждый час
К тяжелым бедам приближает нас.
На юге и на севере беда
Ждет мига подходящего, когда
Начнут открыто подданные мне
В междоусобной погрязать войне.

Я духом еще крепок, не таю,
Но годы подточили мощь мою,
И не похож Ираклий на того,
Каким ты прежде видывал его.
Кто может ныне доблестью блистать?
Кто Грузии опорой может стать?

Кто восстановит разоренный край?
О господи! Грузин не обрекай
На гибель! Что ты скажешь мне,
Советник мой?.. В далекой стороне
Россия есть. Меж нами с давних пор
Достойный существует договор

И вера одинакова у нас.
И в этот размышлений скорбный час
Защиту Грузии я вижу там
И Грузию России передам!»

Внимающий суждению царя,
Столь быстрой сменой мыслей, говоря
По правде, был советник поражен,
И так царю, подумав, молвил он:
«Что ты сейчас сказать изволил, царь?!
Продли твои года, господь! Как встарь,
Цари и властвуй, Грузию любя!
Пусть этих слов не слышит от тебя
Отечество возлюбленных грузин...
И продавать свободу нет причин!

Уверен ты, что Грузии народ
В руках России счастье обретет?
Для государства схожесть общих вер
Всеобщему единству не пример.
У двух народов — разные черты.
Как отразится, понимаешь ты,
России сила на судьбе грузин,
И будет ли их общий путь един?

Взаимным уваженьем до конца
Проникнутся ли розные сердца?
Иначе, царь, людей правдивых круг
Ты обречешь на горечь тайных мук,
И память об Ираклии тогда
Кто сохранит на долгие года?
Нет, государь! Забудь свои слова!
Пусть Грузия останется жива!
Пусть так поступит чья-нибудь рука,

К правленью неспособная. Пока
Живет Ираклий, государства честь, —
В несчастье нашем наше счастье есть!»

«Мой Соломон, — ответил царь ему, —
Известно это сердцу моему,
Но для спасенья Грузии пути
Надежнее и лучше не найти.

Не мне в гордыне личности своей
Платить за славу кровью сыновей
Возлюбленных. Я мыслю как отец
Их жизнь благоустроить наконец,
Пока я жив. Лихие дни войны
Тяжелыми потерями полны.
И хорошо известно нам с тобой,
Какой урон принес вчерашний бой.
Благодаренье богу, Магомет
В одном Тбилиси ограничил след
И кровь в округе не пустил рекой.

Необходим для Грузии покой.
Лишь только под защитой русских нам
Под силу будет отомстить врагам.
И будь уверен — доброй славы глас
Среди потомков прозвучит о нас,
И тени предков обретут покой
Над беспощадной вечности рекой».
Смиряя сердце из последних сил,
Царю советник тут же возразил:
«Твой замысел, о царь, меня дивит
Ираклий знает, как светло горит
Отвагою грузинская душа,
Святой свободой родины дыша!»

«Мой Соломон, пусть мысль твоя права.
Но чем грузины подтвердят слова
Твои под гнетом роковых невзгод?
И как Ираклий выведет народ
На добрую дорогу мирных лет?
Я принимаю сердцем твой совет,
Своим раздумьям отрезая путь,
Но ты мои слова не позабудь:
Свою защиту, знаю наперед,
В России только Грузия найдет!»

Так размышляли в час беды большой
За родину болевшие душой
Царь и советник над былой грозой.
Глаза грузин туманились слезой.

Взошла луна и озарила вдруг
Мир радости, сверкающий вокруг.
И голубые звезды в вышине,
И горный воздух в чуткой тишине,
Арагва, освещенная луной,
Играющая вольною волной,
Исторгли тихий одинокий стон
Из уст царя. И вновь припомнил он
Дни беспечальной юности своей
И кахетинцев, искренних друзей,
Когда он, славой не обременен,
Не размышлял над суетой времен,
Героем был Кахетии родной
И не прощал обиды ни одной
Своим врагам. И долго царь глядел
На оскверненный родины предел.
Потом сказал: «Далеко до утра.
Нам возвращаться, Соломон, пора

В Тбилиси разоренный. Тяжек путь.
А я хочу еще раз завернуть
В Кахетию, чтобы постичь ее
Печалей и страданий бытие,
А ты в Тбилиси направляйся вновь,
Там жди меня и встречу приготовь».

Струится утра синеватый дым.
Ущельем Ксанским, думами томим,
Идет советник. Здесь его порог,
Сюда семью в сумятице тревог
Он поселил подальше от врага.
Он повернул на запах очага
И, вспомнив с государем разговор,
Раздумьям в сердце распахнул простор:
«О боже, слава делу твоему!
Ты власть даешь над всеми одному
И поручаешь править до конца
Равно судьбой глупца и мудреца.
И он, как в кости опытный игрок,
Их судьбами играет должный срок.

Но кто дал право для царей земных
Дарить другому подданных своих?
По своему желанью, наконец,
Попрать свободу подданных сердец?
Царю народ достоинство дает,
Чтоб царь собою защищал народ.
Народу служат помыслы царя.
И царь об этом забывает зря.
Быть может, царь, у скорбных дум в плену,
Преувеличил подданных вину
И сердце, преисполненное сил,
От Грузии печальной отвратил?

Но нет, Ираклий понимает сам,
Как он любезен Грузии сынам.

Какой он мыслью сердце нагрузил,
Столь преданное родине грузин,
Кто ведает об этом? Может, он
Обширней нас о нас осведомлен?
Божественные помыслы царей
Непостижимы для простых людей?»

В противоречья мысли погружен,
К порогу дома подступает он.
Его встречает, кротости полна,
София, досточтимая жена,
Чья красота и умный разговор
Еще не позабыты до сих пор.
Увидев мужа смутное лицо,
Зовет его подняться на крыльцо.
У, добрым взглядом мужа одаря,
Расспрашивает о делах царя.

«Боюсь, София, тяжелы дела.
Ираклия измена довела
До крайности. Его упорный дух
Встревожен и к моим советам глух.
И в грозном гневе наказать готов
За непокорность Грузии сынов.
Намерен он, короче говоря,
Просить защиты русского царя.
И я тогда не буду поражен
Переселением прекрасных жен
Из Грузии на берега Невы.
Тогда, София, обретете вы
В царе России доброго отца,

В царице — мать. Без края и конца
Свободу независимости вдруг
И наслажденье роскоши вокруг.
Из Грузии до невских берегов
Не долетают голоса врагов.
Среди палат в чертогах царских там —
Все, что угодно для высоких дам.
Кто пожелает видеть в том раю
Истерзанную Грузию свою?»

«Скорей мои пускай иссякнут дни,
Мне на чужбине тягостны они.
Холодным одиночеством дыша,
К родной душе не склонится душа,
Осиротевшая в чужом краю.
Ведь нежному не нужно соловью
Роскошной клетки. Лишь на воле он
Свободою родною упоен,
Равно поет и радость, и печаль.
Мне славы человеческой не жаль,
Когда свободы лишена она,
Как ясных звезд ночная вышина.
Ведь человек спасенье от невзгод
Лишь под звездой отечества найдет.
Где душ родство одним огнем горит
И сердце с сердцем просто говорит.
Зачем нам лицезреть чужих царей, —
У нас свои достойней и добрей.

Мы к ним привыкли с отроческих лет,
И в нашем сердце им замены нет.
В своих страданьях на земном пути
Что нам еще положено найти?»
. . . .

Предполагал заране Соломон
Застать жену в смятении, но он
Смятенья не нашел и на плечо
Своей жены склонился горячо.
О женщины тех незабвенных лет!
Благословенен вашей славы след
В истории отчизны! Почему ж
Не унаследовала ваших душ
Взлелеянная вами молодежь!
Подобных вам сегодня не найдешь!
Холодный отблеск северных светил
Сердца у наших женщин подменил.
Что им отчизны горе и успех,
Охотницам до собственных утех!
Отчизну на иные племена
Сменяет современная жена!

Взглянул, к Тбилиси приближаясь, царь
Сквозь слезы на развалины и гарь,
На горький прах родного очага,
На след кровавый лютого врага,
На дикое безлюдие кругом,
На ужас запустенья и разгром.

Лишь имена погибших в тишине
Накат волны передавал волне.
И понял царь, что из всего добра
Осталась только в целости Кура.

Так царь вернулся в город. В свой черед
За ним его последовал народ.
Отстроил быстро стены и мосты,
На этот раз не прежней красоты.
Но без тревог не может время течь.

Ираклий снова обнажает меч,
Чтобы престиж на севере спасти,
Чтоб пораженье персам нанести.
А к старости таких набрался сил,
Что турок потесниться попросил
И подвигом себя прославил вновь.
Но тщетно было все! Его любовь,
Его душа, познавшая борьбу,
Давно решила Грузии судьбу.

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ

(род. 1925 г.)

С грузинского

ЛЕТО

Заполонили женщины метро.
Вагон летит в мельканье светотени.
И, как товар, оформленный хитро,
Белеют обнаженные колени.

И груди в блузах млеют от жары,
Как в лузах биллиардные шары.

Шелк, облегая округленность плеч,
Горит, как трут, и начинает жечь,
И пахнет серой в середине дня
От этого нездешнего огня.

Вагон метро. Сто женщин. Двести ног,
Как балюстрада мраморных балясин,
Пупок у каждой втянут в позвонок
И кожею снаружи опоясан.

У всех, согласно моде, синевой
Подчеркнута прямолинейность взгляда.
Но спрос проходит где-то стороной,
И в воздухе сгущается досада.

Сидят, махнув рукою на мужчин,
Модели Модильяни по порядку,

Как следствия утраченных причин,
Как сфинксы, потерявшие разгадку.

Не замечая, как один чудак
Стоит и от смущения не дышит,
Глядит на них сквозь окуляры так,
Как ангелы, и что-то в книжку пишет.

* * *

Через всех перемирий черту,
Через новой войны маету,
Как слепой марафонец в поту,
Все куда-то бежит человечество.

* * *

И вот ко мне из непроглядной дали
Явилась смерть без боли, без печали.

Моей судьбы последняя страница
Слезами ваши омрачила лица.

Я не заметил появленья смерти,
Надписывая адрес на конверте,

Когда мое на стол склонилось тело
И светлое пространство потемнело.

Потом я без определенной цели
Куда-то шел проспектом Руставели.

И смех друзей, и звон застольных песен,
И голос птиц был чист и интересен.

Там стол от яств ломился под платаном
И виноград глумился над стаканом.

А в это время вы, меня оплакав,
Стояли долго средь могильных знаков,

Обычая и уваженья ради,
С задумчивой тревогою во взгляде.

И только я, наперекор кручине,
Уже куда-то мчался на машине.

Жизнь продолжалась, как всегда, сначала
И перекрестной рифмою звучала.

Весну спокойно заменяло лето.
И осень в зиму превращалась где-то.

ПОЭТЫ

То — в тишине волнения пора,
То — в страсть движенья миг покоя вкраплен,
Но наша жизнь всегда чернильной каплей
Висит на самом острие пера.

* * *

Ты — здесь. Ты — рядом. Только чуду
Твое подвластно бытие.
На всем, чем я живу, — повсюду
Лежит владычество твое —
И в час труда, и в час забвенья,
В миг встреч дневных, ночных разлук...

Так волн морских нагроможденья
Мы ясно ощущаем вдруг,
Не видя их. Так вздоха толком
Не замечаем мы, дыша,
И подтверждает слово только,
Что в нас присутствует душа.

* * *

Что делать мне? Как мне о том сказать?
Где мне добыть покорность мысли слову?
Как мне присвоить и с моей связать
Твоей судьбы стихийную основу?
Как я гордиев узел развяжу?
Как роковую разрешу задачу?
Ты — не моя! Зачем же я дрожу,
Страшась того, что я тебя утрачу?

МОНОЛОГ РЕМЕСЛЕННИКА

Продав перо и позабыв при этом
Свою причастность к рифмам и поэтам,
Родной язык на клей переваря,
Открыл я мастерскую кустаря.
Я склеиваю разные безделки:
Чернильницы, кувшины и тарелки,
Стекло, фаянс, пластмассу и металл —
И кажется, что сам я клеем стал.
Стараюсь я, чтоб снова были святы
Обычаи, надежды и мандаты,
Нарушенные клятвы и сердца,
Разбитые еще не до конца.
Над грудой этих неотложных дел

Я, словно старый Гамлет, поседел
И сгорбился, наладить торопясь
Времен и душ разорванную связь.

ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ АНГЕЛЫ

Знать, посходили ангелы с ума:
На нашу Землю, в грешные дома,
По светлым струям дождика с небес
Спускаются, страстям наперерез,
Обменивают крылья на фату
И — свадьба славит брачную чету.
Выходят замуж ангелы. Пора
Земной любви, любовная игра
Им по душе. Им скучны и пусты
Молитвы, песнопенья и посты
Строжайшие. И гвозди из креста
Идут на каблуки. И неспроста,
Хозяйками войдя в семейный храм,
Толстеют наши ангелы.
А нам
Что оставалось делать, если нас
Любовь испепеляла блеском глаз,
И мы готовы были за нее
Лететь на небо и в небытие?!

* * *

Когда под вечер замыкают звенья
Боль отчужденья и тоска времен, —
Я набиваю дробью вдохновенья
Своей души отстрелянный патрон.

К N...

Идти меня не призывай
К святыне нового порога.
Не жди. Я в твой не верю рай.
И знай — я не меняю бога.

И не играй со мной в слова
В открытую и под сурдинку.
Ты на своем пути права.
Я прав, торя свою тропинку.

Я знаю, веря в старину,
Что в ней прекрасно, что в ней плохо.
И от меня в твоем плену
Жди не смиренья, а подвоха.

Я маску друга иль раба
На душу песни не надену.
Тебе сулит моя судьба
При первом случае измену.

* * *

Пространство — расстоянье до Конца,
А Время — ожиданье Окончанья.
Всему свой финиш. И томит сердца
Стремительность полдневного сиянья.

Но вечер близится и тяжелеет взгляд,
И Мысль острее, и Надежда глуше.
И Расстоянье, с Ожиданьем в ряд
Встающее, тревожит наши души.

* * *

Я не глупец и не хвастун
Перед своей страной.
Как мне ее коснуться струн
Своей души струной?

Как оправдать и соль, и хлеб,
Как стать «одним из тех»,
Чтоб жил в судьбе ее судеб
Моей судьбы успех?..

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Дымится воздух. Высохли моря.
Земля дрожит и крошится порода.
Бежит, о передышке не моля,
В боях полуразбитая Природа.

Хрипят ущелий пересохших рты,
Земные недра стонут от разбоя.
И, как легионеры правоты,
Деревья молча умирают стоя.

Уходит жизнь из своего жилья.
Как ток, как стог, пылает поле боя.
И больше не услышать соловья
Потомкам в час вечернего покоя.

Уходит все. Последний чуя срок,
Бегут олени, уползают змеи.
И тигру инвентарный номерок
Уже не сбросить с арестантской шеи.

Природе не понять своей вины.
Все уже круг. Все ближе оккупанты.
И скверы в городах обречены
На верную погибель, как десанты.

С большим запасом прочности не зря
Построенные, беспощадно жалки,
Как всех военнопленных лагеря,
Бетонные пустыни — зоопарки.

Мы выиграли славную войну,
Мы вырвали победу у Природы,
Громами оглушили тишину,
Леса срубили, отравили воды.

Чего ж еще! Давай кричи «Ура!»,
Пока не дорасходована смета
И не пришла последняя пора,
Последний срок последнего рассвета.

«ПОЭТ»

Оседлав трибуну с бою,
Словно пушечный лафет,
Крутит лихо головою
Перед публикой поэт.

Хлещет спереди и сзади,
А потом наоборот,
Словно пулю в пулю садит
Длинной очередью рот.

Шпарит, рифмами играя,
Той картиной веселя,

Где «от края и до края
Простирается земля».

И смеется, и зевает,
И печалится народ,
Потому что точно знает,
Что он скажет наперед.

Где прибавит к «солнцу» — «ярко»,
Где вздохнет — и потому
В виде лучшего подарка
Аплодирует ему.

Обе стороны неплохо,
Словно разные миры,
Соблюдают без подвоха
Твердо правила игры.

И смолкают в общем трансе
Восхищения вдвоем.
А земля плывет в пространстве
Словно бомба с фитилем.

Мимо ада, сбоку рая,
И не ведает о том,
Что «от края и до края
Простирается» кругом.

P. S.

Я говорю избитые слова
Затем, что в них подозреваю средство
Как можно дольше сохранить права
На юность и на золотое детство.

Я отдал дань новаторству и вновь
К своей старинной возвращаюсь лире.
И лучше рифмы, чем «любовь и кровь»,
Увы, не нахожу в подлунном мире.

Банальность иль душевное тепло,
Наивность, запросившая отсрочку, —
Та самая, что мудро и светло
Естественностью оживляет строчку.

Так будем откровенны до конца,
Оценивая не играя в прятки,
Высокие банальности лица
Поэзии, оставшейся в достатке.

Банальна ласка материнских глаз
И старые Истории страницы,
И женщины прекрасной, как алмаз,
Взгляд, поражающий из-под ресницы.

Он был в употреблении. Он стар,
Тот блеск алмаза яркий и печальный,
Тот Время поражающий кристалл,
Как Вечностью, Поэзией банальной.

Как тем самозабвением в ночи
Неповторимой страсти без расчета.
...А впрочем, хватит, сердце, не стучи
В давным-давно открытые ворота.

6 Заказ 1219

МИКОЛА БАЖАН

(род. 1904 г.)

С украинского

ПЕРВЫЙ СНЕГ

...И только твой след на чистейшей пороше,
Подчеркнутый синею тенью, притих,
Уж сердцу теплее под легкою ношей
Парящих снежинками мыслей моих.

Они покрывают покровом волнистым
На сердце глубокие шрамы беды.
И снова под настом мне слышится чистый
Серебряный лепет весенней воды.

И сердце пульсирует почкой березы
В придуманном мною апрельском тепле,
Где настежь распахнуто небо и грозы
В сверкании капель идут по земле.

А капли звенят и блестят как сережки,
С березовых веток бегут на карниз,
Чуть-чуть повисят, покачнутся немножко
И струнами страсти срываются вниз.

Весна наступает. И пахнет весною
Стыдливой, как девичий вздох, снегопад.
Мы — рядом. Мы медленно входим с тобою
В наполненный каплями музыки сад.

Созвучья колышутся травами в поле.
Мелодией вьется тропа через луг.
И тихое сердце по собственной воле
Спокойно вступает в заснеженный круг.

И я, через все проходя, вспоминаю
То, что никогда позабыть не смогу.
И нежно в ладонях своих поднимаю
Твой след, отпечатанный в теплом снегу.

* * *

На луг летит благословенье снега.
Он кружится, мелькает, мельтешит,
Колышется. Спешит на землю с неба
Тишайшей тайной опыта души.

Хмель сумерек седое сердце кружит
Под куполом серебряной зари.
И из глубин души летят наружу
Пурпурным фейерверком снегири.

И я пойду в ту даль за дальней далью,
И где-то там, забыв земные сны,
За тем пределом, над своей печалью
Растаю на ладонях тишины.

И новое пространство открывая,
Из снов земных вступая в сон иной,
Я молчаливо добреду до края,
Завороженный вечной тишиной.

ВАЛЬС СИБЕЛИУСА В ЛЕНИНГРАДЕ

Нине

В бессонницу белого света, неярко
Сквозящего в сумраке старых аллей,
Пустынной тропинкой Приморского парка
Мы входим, причастные грусти своей.

Прислушайся, милая, и запечалься
Движением лет и полетом минут,
Как вздохом, приливом старинного вальса,
Для радости нашей возникшего тут.

Прозрачность смещения света и тени,
Прозрачность и призрачность трав и воды.
И эти смычки, словно стебли растений,
По струнам поющим на грани беды.

И музыкой смыта дневная забота,
И светит предчувствия чистая даль,
И сердца прозренье на пол-оборота
Звучаньем любви приглушает печаль.

И всеми оттенками звезд перламутра
Играет, на мель набегая, вода.
И белая ночь, уходящая в утро,
Там, в памяти нашей любви. Навсегда!

САВВА ГОЛОВАНИВСКИЙ

(род. 1910 г.)

С украинского

ЗИМНИЙ ЭТЮД

И вновь следы в полях позаметало,
И сумерек снотворна пелена.
Чистейшее накинув покрывало,
Извечным сном заснула целина.

Под белым пухом провода провисли.
И по сугробам, друг за другом вслед,
Идут стволы, и в передаче мысли
Как будто бы другого средства нет.

Спокойна степь. Тиха, и благодушна,
И немотой великой хороша.
И, как ребенок, немоте послушна,
Молчит новорожденная душа.

И все сначала — первые попытки
Раскаянья, восторга и греха.
И предстоит впервые до калитки
Протаптывать тропинку для стиха.

МАРТ

Еще зима вчерашняя грозна
В каком-то озлоблении глубоком.
Но нежная рассвета желтизна
По горизонту проступает соком.

И снег захватывает синеву.
Туман, как пар, пластается над полем.
И запад розовеет наяву,
И душу наполняет непокоем.

Безмолвие. И утра сны легки.
И через легких снов непостоянство
Из труб струятся серые дымки
В умытое прозрачное пространство.

Над шифером оттаявшим спираль
Седого дыма вьется мелким бесом,
Ее сшибает и уносит вдаль
Легчайший ветер над туманным лесом.

А день спросонок дышит с вышины,
Вернее, только пробует дыханье.
И стряхивает капли тишины
Дремучий бор под веток колыханье.

Дым, словно шерсть, клубится в мокрой мгле.
В перемещенье белизны и сини,
И припадает волнами к земле,
И заливает ямы и низины.

И этот дым, струящийся в тиши,
Показывает новую примету
Святой прямолинейности души
В ее стремленье к высоте и свету.

ДМИТРО ПАВЛЫЧКО

(род. 1929 г.)

С украинского

* * *

Сними мне тихо легкою рукою
Снежинку с брови. Вынь из сердца лед
Печального пристрастия к покою,
Накопленного на пути вперед.

А впрочем, — нет! Знакомо сердцу ране
Двойное жало юного тепла.
Пусть этот лед, как нож, лежит на ране,
Чтоб уж не так болела и пекла.

* * *

Есть дней моих немало за горою,
За звездами в небесной глубине.
Прошедшее затеряно во сне,
Лишь то, что будет, обладает мною.

Обожжено мечтою огневою,
Грядущее формуется во мне.
В моей душе на стременном ремне
Играет время шпорою крутою.

Но есть на свете добрая рука,
Которая в мои надежды светом
Вливается, как нежная река.

Она дает мне право быть поэтом.
В моем стихе, ее огнем согретом,
Играет кровью звонкая строка.

* * *

Так чудно твой утренний голос
В мое залетал сновиденье,
И песня о стекла кололась,
Как ветра нагое движенье.

Текла синева без предела,
Мерцала звезда благодарно.
И легкие контура тела
Светились сквозь дымку янтарно.

Они золотели волнисто.
И сердце, смеясь над бедою,
Звенело, омытое чисто
Восторга живою водою.

И гром пробужденья рассвета
Разбил темноту без усилья,
И влажная бабочка, где-то
На сердце, расправила крылья.

* * *

Ты — дождь. Я — клен. Высокой кроной
Ловлю тебя. И капли — врозь —
Моей вершины сон зеленый
Пронзают свежестью насквозь.

Чтоб листья, словно свечи жажды,
Твоей судьбой сиять могли,
Ты в душу мне приходишь дважды:
Сперва — с небес, потом — с земли.

* * *

Да, ты одна, моя любовь,
Даешь мне силу обновленья
И каждый день рождаешь вновь
Меня. Со дна души каменья
Ты достаешь сама собой,
Как будто новые камеи
С моим лицом. Ах, боже мой,
Останови мои затеи
И вдохновение не трать
В угоду каверзной указке
Игры лукавой. Я не тать,
Чтобы в чужой скрываться маске.
Я правдой искренней живу,
Где птица быть не может змеем.
И мне не надо наяву
Того, что свойственно лакеям.
Рабам с повадкой хитреца,
Тем, чья натура, как подушка,
Податлива. А я с лица
Упрям, и камню не игрушка.
Ну, что ж! Меняй меня, как бог,
Всей справедливостью до точки,
Чтоб не ослеп и не оглох
Мой дух в случайной оболочке.

ИВАН ДРАЧ

(род. 1936 г.)

С украинского

* * *

С чего ты, сердце, вздумало болеть?
Пора б тебе чуть-чуть забронзоветь,—
А ты кипишь от боли и от мук.
Огонь все шире раздвигает круг.
И там во мне, на золотом огне,
Жар-птица появляется на дне
Души моей. Торопится в полет
И мысль мою электрошоком бьет
В момент рожденья, раздирает грудь,
Раскраивает будничную суть,
Все твердое на свой кромсает лад
И все живое превращает в ад,
Из клетки ребер вылететь спеша.
И нищею становится душа.
В душе бездушно. Пепел да зола,
И маленькое перышко с крыла
Жар-птицы, вылетевшей из меня.
Тем перышком о клекоте огня
Пишу своих воспоминаний свод,
Весь прокопченный, словно дымоход.
Потом врачую язву странных ран,
Используя канупер и катран[1],

[1] Канупер и катран — лечебные травы.

И клятвою последнею клянусь,
Что я на пепелище не вернусь.
...Но чувствую, что это не конец:
Опять проклевывается птенец,
Растет и начинает токовать,
Вогнав мне в душу меч по рукоять.

СПИНОЗА

Чему-то научённые мальчишки
И в чем-то перенаученные сидят
И слушают транзистор, а над ними
Гудят в деревьях майские жуки.

Но жадные к познанию мальчишки
Жуков сбивают и, искусно им
Соломинки для скорости вставляя,
Пускают их в Галактику: лети!

Веселием перенасыщен воздух,
И гулкий хохот катится в пространство.
А тучная корова на витрине
Крещатика рыдает.
...И летят

Ракетами по трассам межпланетным
Заплаканные майские жуки
К высоким звездам с жалобами на
Изрядно образованных мальчишек.

«Природа состоит из атрибутов
Законченных», — оповестил Спиноза

Научный мир,
                    но, чувствуя в себе
Соломинку, рванулся с пальца в небо.

ПИСЬМО КАЛИНЕ, ОСТАВЛЕННОЙ НА РОДНОМ ЛУГУ В ТЕЛИЖЕНЦАХ

Мне некому писать. Из всей большой родни,
Калина милая, остались мы одни.
Последней тетка, в том родном углу,
Поникла веткой, обронив во мглу
Серебряные листья на траву.
А ты — живи!
                    Во сне и наяву,
Оставив Вислу, Енисей, Дунай,
Спешу к тебе в благословенный край,
Из дальних стран лечу к тебе одной
И называю матерью родной,
Лицом касаюсь до твоих колен
И плачу, прославляя этот плен.
Мне некому писать. Осталась ты одна.
Со всей земли моей душе видна.
Куда мне деться? Я навеки твой.
Прошелести мне звонкою листвой,
Пусти по ветру огненную медь
И гроздьями червонными ответь.
На Енисей, на Вислу, на Дунай
За бабу Танасину отвечай
И за Килину тоже.
                    Как они
В тени твоей свои проводят дни
На свете том, судача о беде

На земляной завалинке.
Там, где,
Наверно, курят горький самосад
Дядья мои, что не придут назад.
О их судьбе нелегкой напиши
Великодушием своей души.
Ответь за них красой своих ветвей
Святой заботе внуков и детей,
Весенние соцветья им вручи
И памяти достойной научи,
И для меня, росу роняя в Рось,
Хоть весточку сквозь время перебрось.
Пусть сок твоих калиновых корней
В моих побегах верности верней
Течет по жилам, пусть моя строка
Твоей печалью будет глубока,
Чтоб память о тебе осталась в ней.

Расти, моя калина, зеленей.
И мне калинописью отвечай
На Припять, на Севан и на Алтай,
Там, где мой конь крылами бьет спеша.

Ты — моя совесть. Ты — моя душа!
Так будь всегда здорова и права!
Ты не пойдешь, калина, на дрова.
За целый мир тебя я не отдам.
Так зеленей навстречу всем ветрам
И осеняй мои дела и сны
Бессмертным светом правды и весны.

МАДОННА-СТЮАРДЕССА

— Беги! — кричали летчики, — беги!
...С чужим дитем сквозь гибели круги,
Сквозь крик и стон, через живой погост
Она бежала самолету в хвост.

И все погибли... Лишь она одна
Мадонною погибели со дна
Из-под обломков встала впереди
Людских тревог с ребенком на груди.

Сама ребенок. Но уже как мать
Она его умела понимать
И чувствовала, как под пиджаком
Грудь щекотало первым молоком,

И плакала. К обломкам корабля
За ней машину выслала Земля.
Жизнь продолжала в мире торжество.
А в Ней сияло жизни рождество.

СВЕЧА

На дне ночей моих
Свеча горит белея.
Шел ветер — не задул.
Шел вол — не потушил.
Шел резвый конь — но гривой не смахнул.
Шел танк — на цыпочках,
А самолет — с зонтом
Распахнутого неба —
И не погасили!

Нет!
Осторожно каждый проходящий,
Склонясь к моей, свою зажег свечу.
Шел ветер — со свечой.
Шел конь — и нес свечу.
И вол, и танк, и самолет несли
Своих свечей мигающее пламя.
Шел с маленькой свечой большой дворец,
И маленький комарик — большую нес свечу,
И где-то
На глубине ночей моих горела,
Не потухая, белая свеча.
Звучит во мне томительная радость,
Поет во мне мучительная радость,
Невыразимая до немоты,
А где-то там, на дне моих бессонниц,
Свет излучает белая свеча.

* * *

Мне Грузии твоей грудь распирают горы,
и ветер в уши бьет, и стонет перевал.
Сурами видел я, в Рустави был и в Гори,
но рогом голубым ты путь мой оборвал.

Что знал я про тебя! И мне стихов отраву
из рога твоего дал выпить Пастернак,
и ты к губам моим свою подносишь Славу,
Проказник Солнечный, да разве можно так!

Характером иной, с твоей Земной дороги,
я вглядываюсь в мир через твою слезу.
Через твою судьбу смотрю на гор отроги
и в бездны пропастей, синеющих внизу.

В тридцать шестом году Бажан и Заболоцкий
стояли здесь с тобой и пили эту синь.
Сквозь сорок лет не перекинешь доски, —
плащ светозарный свой над бездной перекинь.

Гвоздику кинул ты. И та гвоздика вбита
в мою судьбу, как гвоздь. И верный сердцем ей,
за этот мир вступаю в бой открыто —
в своих губах с гвоздикою твоей.

НАТАЛКА БЕЛОЦЕРКОВЕЦ

(род. 1954 г.)

С украинского

ДВЕ СКАЗКИ

I

Мальчик домой возвратился с войны.
В доме его ни дверей ни стены.
— Мама! — позвал он, но матери нет.
Только собака завыла в ответ.
Мальчик с собакою хлеб разделил.
На ночь шинель на двоих расстелил.
Лунною ночью в покой тишины
Белая мама спустилась с луны.
Сына ласкает, за кудри берет,
Ножку куриную Жучке дает.
— Не пожалею тебе ничего,
Ты приласкала сынка моего.

II

Щенок и мальчик в лопухах молчат.
Мать и собака на солдат кричат.

Мать и собака на ветле висят.
Щенок и мальчик в голос голосят.

...Как ясен день.
Как лопухи тихи.

Как тихо солнце смотрит в лопухи.

САД

Не быль, не боль,
Не смех, не грех,
А сад
И в том саду орех.

Орехов
На его ветвях,
Как добрых дел
В людских руках.

И для меня,
Круглее всех,
Один-единственный
Орех.

В живой траве,
Растущей тут,
Живые с мертвыми
Идут.

Идут сквозь боль,
Сквозь смех и грех,
В саду,
Где вырос мой орех.

* * *

На грудь мою твоя рука легла.
И тихо стало.
И закружилась солнечная мгла
И напугала.

Мне рук твоих не оттолкнуть, не снять.
Стою. Немею.
Обнять бы мне тебя, поцеловать.
Но не умею.

Душа моя, рассудку вопреки,
Себя не прячет.
Но рвется сердце из твоей руки
И, слышишь, — плачет.

* * *

На Киев дождик с тихой рани
Идет весь день. И смуглый клен
В роскошно выросшем бурьяне
Читает летопись времен.

Летят года, как листья с клена,
Летят, серея, как зола,
С волной колеблемого звона
На души и на купола.

Отзолотеет Византия.
Придет монгол. Уйдет монгол.
И снега белая стихия
Прикроет жуткий произвол.

Но листья кленов на погосте,
Сама земля и солнца свет
Согреют наших предков кости
И россыпь эллинских монет.

ГИМН

О юность, юность! Виноград и слива!
Хмель с яблоком! Но не твоя вина
В том, что немая смерть несправедлива
И самой крупной солью солона.

Но вновь и вновь, как звезды среди ночи,
Закрученные ритмом старины,
Потухшие пленительные очи
На молодом лице повторены.

И эта юность новых побережий
Всей жаждой крови на пути вперед
Из уст в уста, как выдох счастья свежий,
Любовь приемлет и передает.

Там праздник тела моего и плоти,
Высокой страсти огненный виток,
Моя душа раскрытая в полете,
Как солнцем обнадеженный цветок.

А смерть всегда приходит слишком рано, —
Жизнь рвет, как парашютное кольцо,
Наносит окровавленные раны
Летящей пулей времени в лицо.

Седая Вечность точно и умело
За нею посылает корабли.
И вот, как соль, мое белеет тело
На черном хлебе вскопанной земли.

Но вновь и вновь, как звезды среди ночи,
Уже опять мелькают без конца

Прекрасно повторяемые очи,
Улыбки, губы, лица и сердца.

Нет смерти, нет! Мы любим на кладбище.
Мы жизнь воспринимаем во плоти.
В себе живых давно ушедших ищем,
Пророчествуя новые пути.

ТОБИАС ГУТТАРИ

(1907—1953)

С финского

РЫБАК

Я этот берег полюбил.
Я здесь родился. Здесь следил
Валов тяжелый бег.
Волне, баркасу и веслу —
Отчаянному ремеслу —
Не изменю вовек.

Встает холодная заря.
Мы выбираем якоря,
И парус рвется вдаль.
Волна с волной вступает в спор.
В бурунах вздыбленный простор
Для смелых — не печаль.

Утихло море. Ветер спит.
И солнце сонное глядит, —
Богат улов у нас.
Так новой силою полна,
Неси нас к берегу, волна,
Причаливай, баркас.

Нам в шторм и бурю не впервой
Вступать с волной соленой в бой,
Идти наверняка.

Еще пока с морских дорог
Никто ничем прогнать не мог
На сушу рыбака.

Но, может быть, не ровен час —
Затопит буря наш баркас
И засмеется зло.
Прощай, не жди тогда, жена, —
На берег выбросит волна
Разбитое весло.

Я этот берег полюбил.
Я здесь родился. Здесь следил
Валов тяжелый бег.
Волне, баркасу и веслу —
Отчаянному ремеслу —
Не изменю вовек.

ОСЕНЬ

Холодным золотом в долины
Приходит день, как в светлый дом.
Густыми гроздьями рябины
Играет солнце под окном.

Сквозит через деревья поле
В прозрачной матовой слюде,
И ветер крутится на воле
И гонит гребень по воде.

Желтеют скирды на пригорке
И шепчут в сутемь вечеров:
«Когда же мы услышим звонкий,
Веселый смех и стук цепов?»

Колхозник, спину разгибая,
Спокойно говорит: «Зима
Нам не страшна, когда до края
Зерном засыплем закрома».

Так по пятам за красным летом
Проходит осень по стерне.
Одна почти весенним цветом
Темнеет озимь в стороне.

Сгорело лето. И приносит
Природа поздние дары,
И по стволам высоких сосен
Ударят скоро топоры.

В холодном золоте долины
Подернуты морозным сном.
Густыми гроздьями рябины
Играет осень под окном.

МУРМАНСК

Приходят и уходят корабли.
В горах — снега, а над водой — туманы.
Сюда тепло от Огненной земли
Дошло через моря и океаны.

Уходят и приходят корабли.
На реках—лед, в заливе же—ни льдины,
Вершины снежных гор встают вдали,
Как будто в белых шапках исполины.

В порту дымят далеких стран суда,
Седое утро раздвигает небо.

Сквозь сто морей они пришли сюда
За нашим лесом, за советским хлебом.

О славный город, страж полночных
стран,
Стой нерушим на ветряном просторе!
Как шелк знамен на кораблях багрян,—
Когда они отчаливают в море!

Приходят и уходят корабли.
Богат улов! Сквозь пелену тумана
Сюда тепло от Огненной земли
Несут крутые волны океана.

ЛУННЫЙ ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В БЕЛОМОРСКЕ

Лунной стежки отблеск синий
Манит вдаль.
На мостах сверкает иней,
Как хрусталь.

Ткет серебряную пряжу
На дворе.
Город северный обряжен —
В серебре.

Только сполох, вспыхнув где-то
Огневой,
Изумрудным гаснет светом
Над рекой.

Да звенят шаги прохожих,
Да мосты, —

Не найдешь на свете схожей
Красоты.

Тихо все. Но где-то выше,
У дорог,
Белой пеной в скалы пышет,
Бьет порог.

Часовой один шагает
У волны,
На штыке его сияет
Луч луны.

Даже я, прохожий, знаю,
Как во мне
Зерна счастья прорастают
В глубине.

ЛЕСОРУБ

Мне лучшим домом в моей стране
Карельский остался лес.
И лампу всегда заменяло мне
Сиянье ночных небес.

И лучшей песней моею был
Звон и стук топоров,
И перекличка упругих пил,
И грохот прямых стволов.

Пускай на спине проступает пот, —
Песня моя верна.
Не зря на субботник меня зовет
В размахе работ страна.

Апрель из-за моря придет. Опять
Работа моя ясна.
Плоты по темным порогам гнать
Приказывает весна.

Зима прилетит от северных гор, —
Я верный возьму топор,
И вздрогнет снова сосновый бор,
И загудит простор.

ВЕСНА ИДЕТ

Дрожит небес прозрачное стекло,
Слегка дымится снег на солнцепеке,
И первое весеннее тепло
Так непривычно обласкало щеки.

И ветер южный дует горячей,
Ворвавшись в зиму снежную с разбега,
И оседают от прямых лучей
Сугробы оползающего снега.

Прозрачней наступают вечера.
Поет капель. Сосульки виснут с крыши.
И небо голубее, чем вчера,
А завтра будет несравненно выше.

Хрустят шаги. Идет весна сама.
И для нее душа моя открыта.
Ручьем весенним мерзлая зима
С груди моей совсем сегодня смыта.

В ГОРАХ ЛОМАЮТ РУДУ

Здесь недра гор берут в упор,
Здесь пламя кружит каруселью,
Трясутся стены старых гор
И эхо рвется по ущелью.

Здесь на горах породу рвут,
Летят по скатам вагонетки.
Здесь дождь идет, ветра ревут
И солнца луч сверкает редкий.

Так город Кирова встает
В дыму заводов, в желтой пыли
Огнями новыми работ,
Бессмертьем нашей ясной были.

В горах здесь спали долгим сном
Богатства, скрытые глубоко.
Здесь только снег лежал кругом,
Лыжня петляла одиноко.

Но вот на озеро пришли
Отважно женщины, мужчины,
Разбили лагерь, привезли
С собою мудрые машины.

И изменились берега.
Смотри, огнями город розов.
И перечеркнуты снега
Лыжней железной паровозов.

Руду в долину с гор везут
И, на платформы нагружая,

В далекие колхозы шлют —
Залог большого урожая.

Здесь недра гор берут в упор,
И горы глохнут от удара.
И наша слава эхом с гор
Летит вокруг земного шара.

* * *

О ясный свет апрельских вечеров!
Туман ползет по улицам знакомо,
И силуэты арочных мостов
На белый лед ложатся невесомо.

Деревья руки поднимают ввысь,
Виденья лета мне напоминая.
Мне кажется, что почки взорвались
Огнем зеленым и дыханьем мая.

В тумане окна голубых домов
Передо мной, как золотые дверцы,
Зовут меня. И я сейчас готов,
Остановясь, прислушиваться к сердцу.

Сегодня счастье неотступно тут.
Быть может, это девушка простая,
Быть может, это вдохновенный труд:
Люби! Дерзай! Твори не уставая!

О ясный свет апрельских вечеров!

МИРОСЛАВ ФЛОРИАН

(род. 1931)

С чешского

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Был март. За городом в лощине
Сжигали прошлогоднюю траву.
В большой пожар домов и кораблей
Шутя играло маленькое пламя,
Похожее на плащ тореадора,
Разодранный об острые рога.
На этот плащ набрасывался ветер
В сто первый раз, и пара жалких искр
Мгновенно гасла на его ладонях.
Иль, может быть, играло пламя
в страсть,
В пожар — сильней пожара городов,
Азартнее турниров? И когда
Ему для взлета не хватало силы,
Оно пласталось по земле и тихо,
Цепляясь за соломинку, ползло.

А в ком из нас нет выжженной земли,
Лощины обгоревших маргариток
И синих колокольчиков? На ней
Чернеет только ржавая заколка,
Готовая по-прежнему колоться,
Хоть нечего закалывать уже.

Зализывает дождик пепелище,
И новая веселая трава
Сквозь серый пепель прорастает. Здравствуй,
Не знающая гибели Весна!
От долгого спокойствия идиллий
Избавь меня и дай мне радость верить —
Сгнию ли я в болоте иль замерзну, —
Что я причастен к твоему огню.

КОНЕЦ ЛЕТА

Кончается лето. Все терпкое хочет
Быть сладким. Прохладней становятся
ночи.

Луна, словно чайная ложечка в чашке,
Звенит. И румяные яблоки тяжки.

И щеки твои и прекрасное тело
Любовь, распалясь, обожгла и прогрела.

Как в яблоке, лето — в крови и на коже
Особую мету оставило тоже.

Но рук твоих, пахнущих лесом, лугами,
Я с нежностью робкой касаюсь губами

Как высшего дара Земли и немею,
Твоею судьбой поражен, перед нею.

ЛЮБОВЬ

1

Шипящую Землю из камня и пламени
Кузнец закалял в океанской волне.
И искры, как звезды, взлетали и плавали
И солью твердели в ночной вышине.
Земля застывала корой над вулканами,
От страсти палящей дрожа иногда,
И в сердце людское вошли, а не канули,
Любовь и тревога, огонь и вода.

2

Ревет ураган и беснуются молнии,
Земля под дождем извивается вся.
Последним усилием борется с волнами,
Едва на извечной орбите вися.
Но буря прошла, и косматою гривою
Река отмывает на радуге грязь.
Земля улыбается небу, счастливая,
Глубокими шрамами страсти гордясь.

ГОВОРИТ МАТЬ

Он родился. Небо светом
Озарилось, и пахнуло летом.
Это было, кажется, вчера.
Где же он, мой маленький? С дороги
Слово в утешение тревоги
Написать бы матери пора.

Может, он проходит диким лесом.
Может, пропасть меряет отвесом.
На седой качается волне.
Передайте, если вам не трудно,
Пусть он не рискует безрассудно.
Пусть хоть это обещает мне.

Возит уголь, или месит тесто,
Иль меж звезд определяет место
Звездолета, иль Вселенной лик
Перед ним сияет без предела,
И звезда лучом щекочет тело,
Залетев ему за воротник.

Мой он, мой! Он — все, что я имею!
Он красив?— я спорить не умею.
В этом сами разберетесь вы.
Он — раним, поглядывайте в оба.
И его порою портит злоба.
Женщины?.. И женщины, увы.

Что создаст он, что он уничтожит?..
Но меня он обмануть не может.
В миг прощанья на исходе дня
Он опять под сердцем шевельнется,
И вокруг, сияя, разольется
Вечное свечение огня.

* * *

Хоть травой обернись,
Раздробись на гравий,—
Я тебя, моя жизнь,
Не любить не вправе.

И трава не сама
Подогнет колена,
Но запахнет Зима
Ароматом сена.

Мелкой крошкой кремня
Заблестят тропинки,
Приласкают меня
Детские ботинки.

Эту даль, эту высь
Гибель не очертит.
Как же мне тебя, Жизнь,
Не любить до смерти!

ДОМ НОЧИ

Идущей ночи сумрак не молчит.
В нем, лучший дом заканчивая в мире,
По звездной крыше кровельщик стучит,
Как шпагою о шпагу на турнире.

И штукатур берет ведро луны
И с нею поднимается на доски,
И обнажается лицо стены
Под белым откровением известки.

Сопутствует строителям успех.
Сияют светом залы и палаты.
И комнаты имеются для всех
Желающих — без ордера и платы.

И в этом доме ветер-почтальон,
Исполненный особого вниманья,

В любую сторону со всех сторон
Разносит сокровенные желанья.

И возле дома теплая река,
Как голубая молния — с плотины.
Ее потока легкая рука
Усталости выравнивает спины.

Стремительно летящая вода
Легко переворачивает лодки.
И платит за крушенье иногда
Подарком неожиданной находки.

Любимая! Порасторопней будь!
И нам с тобой переселиться в силе,
Пока в больших бидонах Млечный Путь
По городу еще не развозили.

ДЫМ

Октябрь садится на краю зари,
Ботву картошки сыплет на бумажку,
Прикуривает, делает затяжку
И говорит мне:
— Мирек, покури!
Сердечному вниманию внемля,
Я медленно вдыхаю без опаски
Щемящий запах клевера и ряски,
Твои мечты и грусть твою, Земля.

Вдыхаю все, что не вошло в слова,
Все, что осталось за пределом слова,
Что ежедневно повторяют снова
Деревья, волны, птицы и трава.

А что же мы оставим для молвы,
Для будущего мира постояльцев,
Когда нас время разомнет меж пальцев,
Как эту плоть картофельной ботвы.

МАЛЕНЬКИЙ РЕКВИЕМ

1

Небесный свод лежит на облаках,
Но знает глубину небес комета,
Та звездочка, мгновением в веках
Сгоревшая от перегрузки света.

Всей тяжестью на скальный грунт легли,
Наваливаясь, горы и долины,
Но меряется тяжесть всей Земли
Над крышкой гроба горстью мокрой глины.

2

Жизнь близких — белая страница,
Хоть нам отпущенные дни,
Как уголь — пламени, как птица —
Простору воздуха, сродни.

Они уйдут. И в спешке буден,
В поземке мелкой суеты,
Мы их улыбки позабудем
И характерные черты.

И в нас их жизнь себя означит,
Своей проявится судьбой —

Так в гулкой раковине плачет
Давно исчезнувший прибой.

АЛЕШОВСКАЯ ЗИМА

Декабрь. Зима. Продрогшие дома
Молчат, в снега укутанные жарко.
Ворчит, не зная почему сама,
С порога на прохожего овчарка.

Все замерло в синеющем снегу.
Но вот на повороте скрипнул полоз.
И легкий колокольчик, на бегу
Лихих коней, выравнивает голос.

Морозной пылью заметает след
Мелькающих копыт. А у возницы
Из-под ресниц сияет синий свет
И синий иней липнет на ресницы.

Смеркается. За стенами квартир
Во всех домах, в любом окне, повсюду,
Горит одно простое слово — Мир —
В костре метели, сродственное чуду.

ЭДИТ СЁДЕРГРАН

(1892—1923)

С шведского

УСЛОВИЕ

Я не могу
Без действия прожить.
И я умру — прикованная к лире.
Ах, если бы она была прекрасней
Всех лир на свете, я бы заплатила
Ей верностью пылающей души.

Тот, кто руками в ссадинах и шрамах
Не хочет рушить стену серых буден,
Пусть погибает молча у стены.
Он не достоин видеть солнце жизни.

ТРИУМФ ЖИЗНИ

Чего бояться мне? Я дочь Вселенной,
Частица малая ее великой силы,
Мир одинокий в сонмище миров,
Звезда, как точка окончанья жизни.
О, счастье жить, дышать и понимать,
Как ледяное время бьется в жилах
И слушать ночь, течение ее,
Стоять и петь под солнцем на горе!
Вот я иду по солнцу. Я стою

На солнце, заполняющем весь мир.
Ты, солнце, рушишь, изменяя, время
И хитрости придумываешь, чтобы
Заставить жить меня: зерном,
Кольцом змеи, седеющим утесом
В пучине моря. Время, уходи
С дороги жизни! Ты убийца, время!
Мне солнце медом наполняет грудь.
Пусть звезды гаснут рано или поздно,—
Свети, звезда! У света страха нет!

ЧУЖИЕ СТРАНЫ

Душе моей чужие снятся страны,
Как будто нет в далекой стороне
Двух одиноких валунов, куда мне
Вернуться мысли тайные велят.
Картину эту некий чужестранец
На грифельной доске моей души
Нарисовал. Проходят дни и ночи.
Я думаю о том, что не свершится.
Печаль моей души утолена.

БЛУЖДАЮЩИЕ ОБЛАКА

На горных склонах в ожиданье ветра
Блуждающие стынут облака.
Но ветер их не гонит по ущельям,
Не поднимает к солнцу выше гор.

И вот они совсем закрыли солнце,—
Висят тяжелые, как флаги будней,

И монотонно дни уходят в вечность,
Как музыка в раскрытое окно.

Еще пестреет осени ковер.
Крепки, как сахар, белые вершины.
В долину с гор спускается зима.
И горы улыбаются.

СЕВЕРНАЯ ВЕСНА

Все воздушные замки растаяли снегом в долине.
Все мечты утекли, словно полые воды под мост.
Из всего, что любила, остались в сердечном помине
Только синее небо да бледная музыка звезд.

Ветер в ветках играет, и слушают ветер деревья.
Пустота отдыхает. И грезит вода о весне.
И старинная ель, охмелев от тумана доверья,
Одинокое облако тихо целует во сне.

ДОЧЬ ЛЕСА СВЕТЛАЯ

Ах, разве это было не вчера,—
Дочь леса светлая свою справляла свадьбу,
И вместе с нею веселились все?
Она была и птицей, и ручьем,
Тропинкой тайной и кустом веселым,
Она была бесстрашной и хмельной,
Она не знала этой ночью меры
Стыдливости и смеха, попросив
Калиновую дудку у кукушки.
Она прошла танцуя меж озер,

Наигрывая песенку, и — сразу
Ни одного несчастного не стало
На праздничной, на свадебной земле.
Дочь леса светлая не признает печали.
Над светлым ликом волосы ее
Светлы, и в них цветет мечта
И тайное очарованье страсти.
Вот почему на свадьбе у нее
Стояли гордо сосны по обрывам,
И елочки плясали между них,
И можжевельник пел на солнцепеке,
И одевались в венчики ромашки,
Леса роняли семена в сердца
Людей, а у людей в глазах,
Переливаясь,
искрились озера
И бабочки порхали над водой.

РОЗА

Я выросла в твоем саду, любимый,
И утолила жажду под дождем,
И напилась под ярким солнцем зноя,
И расцвела, и — жду тебя теперь.

ОЖИДАНИЕ

Я здесь одна у озера лесного
Дружу с большой семьею старых елей
И тайнами сердечными делюсь
С кудрявыми рябинками. Я жду.
Но никого не видно на тропинке.

Ромашки мне кивают головами.
Щекочет шею тонкий стебелек.
Все это называется любовью.

НОКТЮРН

В серебряном растворе,
За дюнами, вольна,
Перебирает море
Полночная волна.

Печальные туманы
И серебро волны
Хранят, как великаны,
В долине валуны.

И веет до рассвета
Под белою луной
Благословеньем лета,
Мечтой и тишиной.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

В янтарном солнце круча.
И с кручи видно мне:
Плывет по небу туча
И остров — по волне.

А сладость до отвала
Насытила стволы.
И в сердце мне запала
Жемчужина смолы.

ОСЕНЬ

Деревья обнажились и открыли
Дорогу небу, воздуху и свету
В твой легкий дом на берегу высоком
И отразились в зеркале воды.
Там девочка в туманно-серой дымке
Несет цветы кому-то, и за нею
Взлетают стаи серебристо-белых
Птиц над горизонтальною водой.

БЛЕДНОЕ ОЗЕРО ОСЕНЬЮ

Бледному озеру осенью
Снятся туманные сны
О белом весеннем острове,
Утонувшем в морской дали.

Бледного озера осенью
Зеркало, скрытое в тень,
Тихо глядит из просини
На умирающий день.

Бледное озеро осенью
Соединяет на миг
Жизни высокое небо
С гибелью сонной волны.

ВЕЧЕР

Я слышать не хочу печальной сказки слово,
Которую рассказывает лес.
Там вздох листвы

И хвойный шепот снова,
Там тени меж стволами бестолково
Сбегаются стволам наперерез.

Скорей к дороге!
Нас не встретит лихо,
Где меж канав, петляя наугад,
Дорога поднимается и тихо
Глядит на перевернутый закат.

НА БЕРЕГУ

Мне тоскливо и тревожно в серый день над серым морем.
Я смеюсь навстречу солнцу и люблю дразнить соленый
Ветер в брызгах белой пены над высокою волной.
Я живу в пещере вместе с темными нетопырями.
Я бела и я красива, и глаза мои лукавы.
Не найдешь на целом свете ног прекраснее моих,
Я их мою то и дело и водой, и легкой пеной,
Руки у меня нежнее самой нежной белизны.
Я сияю счастьем, словно этот берег. А когда
Я смотрю в глаза прохожим, в очи путников случайных,
То они покой теряют до скончанья дней своих.
Отчего ж я опускаю тихо голову на руки,
Почему мне сердце давит непонятной боли груз?
...Я тогда ушиблась больно о скалу, когда хотела
Умереть, напрасно руки простирая вслед пришельцу,
Промелькнувшему однажды на пустынном берегу.

* * *

Скажи, затворница, когда-нибудь
Смотрела ль ты через решетку сада

На синие вечерние тропинки
Своих мечтаний? Ощущала ль ты
На языке невыплаканных слез
Ожог соленый, в тихий миг, когда
Над сумраком нехоженых дорог
В кровавой туче исчезало солнце?

МОЯ ДУША

Моя душа об истине молчит.
Она смеется или тихо плачет.
Она не помнит и не защищает
И не умеет возвышать других.
Мне в детстве море опалило синью
Глаза, а в юности цветок
Краснее красной крови, а сейчас
Сидит передо мною чужестранец,
Бесцветно молчаливый, как дракон.
Но я не дева в красно-белом платье
И у меня подглазины темны.

ПЕСНЯ НА ГОРЕ

Солнце в пене морской потонуло, и берег заснул.
А высоко в горах чья-то боль о несбыточном пела.
Песня падала в воду, и горького голоса гул
Затихал, умирая на кромке ночного предела.

И пришла тишина. И представила я в тишине
На вечерней скале одинокое сердце, от боли
Исходившее кровью и песней в седой вышине
О прекрасной судьбе, что уже не воротится боле.

СВЕЖЕЕТ ДЕНЬ

I

Свежеет день... Но вот моя рука,
Испей с нее тепло весенней крови.
Возьми ее. Тревожно и светло
Она белеет в сумраке вечернем.
Возьми желанья узких плеч моих...
Познания благословенна ночь,
Упавшая на грудь мою твоею
Доверчивой тяжелой головой.

II

Ты кинул розу красную любви
На грудь мою. Горячими руками
Держу я крепко, прижимая к сердцу,
Так быстро увядающую розу.
Возлюбленный с холодными глазами,
Я принимаю гордую корону
Из рук твоих, склоняясь головой.

III

Я впервые его увидала сегодня.
Задрожав, я узнала его. И сейчас
Еще чувствую сильную руку его
На запястье своем. Где ж мой девичий смех
И свобода с закинутой гордо надменной
Головой? Еще телом, в восторге дрожащим,
Ощущаю железную хватку. И слышу
Жесткий голос, хлестнувший по хрупкой мечте.

IV

Ты искал цветок,
А нашел яблоко.
Ты искал родник,
А нашел море.
Ты искал женщину,
А нашел душу.
Ты разочарован...

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Пусть реки убегают под мосты,
Пусть у обочин светятся ромашки,
И пусть леса склоняются к земле,—
Мне это все равно, все безразлично.
И черным стало белое с тех пор,
Когда не я, а женщина чужая
Ушла вдвоем с возлюбленным моим.

ОСЕННИЕ ДНИ

Прозрачны дни осенние. Прозрачны
Окрашенные в золото леса,
Улыбкой осененные осенней...
Как хорошо забыться без желаний,
Заснуть, устав цвести и зеленеть,
С венком вина рябин у изголовья...
Осенний день недолог и его
Прохладны пальцы, и в прохладных снах
Повсюду видит он необозримый
Снежинок рой, слетающий с небес.

ЖЕЛАНИЕ

Я мечтаю: во всем нашем солнечном мире
О забытой поляне в пустынном саду,
Там, где греется кот на скамейке.
Там хотела бы я посидеть,
Прижимая
К сердцу белый единственный в мире конверт.
Вот и все, что мне надо.

А ЧТО ЖЕ ЗАВТРА?

А что же завтра? Завтра, без тебя,
Другие руки с той же самой болью.

Но я уйду, чтоб сделаться мудрей.
Потом вернусь в твои глаза обратно
С другого неба, с новым откровеньем,
Все с тем же взглядом, но с другой звезды,
С желаньем новым в старой оболочке;
Всей злостью и всей верностью вернусь,
Чтоб из пустыни сердца твоего
Вести борьбу жестокую с собою,
С предначертаньем собственной судьбы.
Затем с улыбкой шелковую нитку
Перевяжу на пальце, а клубок
Твоей судьбы запрячу в складки платья.

ГАМЛЕТ

Что хочет сердце смертное мое?
Оно молчит и ничего не хочет.
Из судороги неба и земли

Возникнул призрак серый, словно пепел.
Я думаю. Я знаю, он придет
В какое-то случайное мгновенье.
Он видит через запертую дверь
Меня и мне протягивает руку.
И выбора нет больше на земле.
Где истина? Над истиной туман.
Она живет меж змей и пепла в склепе.
Но я иду за ней и освещаю
Ей путь своим скорбящим фонарем.

В ЛЕСАХ ДРЕМУЧИХ

В лесах дремучих я блуждала долго
Тропинкой счастья детства моего.

В горах высоких я одна искала
Воздушный замок юности моей.

В твоем саду веселая кукушка
Отсчитывает счастье, но не мне.

НАДЕЖДА

Отныне быть хочу бесцеремонной.
Высокий стиль не по моей душе,—
Закатываю рукава по локти,
Как на дрожжах стиха восходит тесто,—
Обидно, что нельзя испечь собор.

Форм благородство — цель моих желаний.
Я тоже современности дитя,

И дух мой тоже ищет оболочку
Достойную. И я должна испечь
Собор, пока живу на свете.

СКЕРЦО

На небе ясно, и на сердце ясно,
И я едина с этой звездной ночью,
Сидящая, дрожа, на тонкой нитке,
Протянутой на землю от звезды.

Ты словно преисподняя, о время,
Обманываешь нехотя меня,
Опасностью для рук канатоходца,
Опасностью для легких ног моих.

Погибни, время!
Каждая звезда
В лицо мне говорит:— Я — это ты!
Побудь со мною!— и целует в губы.
И звездное смыкается кольцо,
И всю мою земную оболочку,
Кружа, окутывает звездный пух.
Что делать мне, смеяться или плакать?
Мечтает вечер.
А морской король
Из раковины пьет и не напьется.
Встает плясунья посредине ночи
И — на колени, простирая руки,
Шлет поцелуй прекрасному вослед.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Дерево моего детства ликует вокруг меня.
Травинка меня приветствует, голову наклоня.
И я склоняюсь к травинке среди тишины лесной.
Все прошлое остается навек за моей спиной.
Моими друзьями отныне под сенью родных небес
Опять становятся озеро, берег его и лес.

Я мудрость беру у ели, чей синий шатер высок.
Мне истину мира дарит березы сладчайший сок.
Из стебля лесной травинки душа моя силу пьет.
Великий защитник жизни мне руку свою дает.

ЛЕТО В ГОРАХ

Поднимается в горы неяркое лето.
Зацветают луга.
Улыбается хижина старою дверью.
И негромко ручей, словно вечное счастье, журчит.

НЕ СОБИРАЙТЕ ЗОЛОТО И КАМНИ

Зачем вам, люди, золото и камни?
Да будут переполнены сердца
Живой мечтой, пылающей, как уголь.
Достаньте драгоценные рубины
Из гордых взглядов ангелов.
Испейте
Воды холодной из колодцев ада,
Но только не копите драгоценных
Камней и побрякушек золотых,

Достойных разве жалких попрошаек,—
А подарите, люди, детям вашим
Еще никем не виданную силу
Прорваться сквозь небесные врата.

ОБ ОСЕНИ

Приходит осень.
Золотые птицы
Летят на юг над синею водой.
А я одна на берегу песчаном
Сижу и слышу тихое:
прощай.
Прощанье велико и неизбежно
Мне будущую встречу обещает,
И легкий сон с ладонью под щекою,
С тишайшим материнским поцелуем
На сердце и на сомкнутых ресницах:
— Усни, дитя, до солнца далеко.

СОШЕСТВИЕ В ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Смотри! У вечности в гостях
Поток бежит по дну.
И смерть играет здесь в кустах
Мелодию одну.

Смерть! Почему умолкла ты?
Мы шли издалека.
Изголодались наши рты
И души — в песне правоты,
Связующей века.

Венок, который снился мне,
К твоим ногам кладу.
Дай мне в диковинной стране
Увидеть череду
Колонн и пальм, где, словно зной,
Сквозит волна тоски земной.

СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ

По той стране, которой нет, тоскую.
Ведь то, что есть — желать душа устала.
А светлая душа серебряные руны
Поет мне о стране, которой нет.
Там исполнение желаний наших.
Там нет цепей. Там лунная роса
Ложится на пылающие лица.
Я жизнь свою в горячке прожила.
Но как мне удалось, сама не знаю,
Найти страну, которой нет.
А в той стране, в сияющей короне,
Мой навсегда возлюбленный живет.
— Любимый мой!— зову я. Ночь молчит.
Высоко свод вздымается небесный,
И в бесконечных голубых глубинах
Теряется мой голос...
Но дитя
Страданий человеческих превыше
Небесных сводов простирает руки
И слышит сердцем:— Я есть тот, кого
Ты любишь ныне и обречена
Любить всегда...

Я ОБОШЛА ГАЛАКТИКИ ПЕШКОМ

Я обошла галактики пешком,
Разыскивая красных ниток к платью.
Я чистотой предчувствия полна.
Там посреди Вселенной между звезд
Висит мое искрящееся сердце,
И каждый вздрог его неповторимый
К другим безмерным устремлен сердцам.

ПОСЛАНИЯ
ПОСВЯЩЕНИЯ

МИХАИЛ ДУДИН

(род. 1916 г.)

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПЕРЕВОДОВ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ

Виднеется новая веха.
Холодная всходит заря.
Я с братом из прошлого века
Сегодня встречаюсь не зря.
Поэзии пристальным взглядом
Он в душу мою устремлен.
И судьбы становятся рядом,
И нет между нами времен.
Стоят эти судьбы навечно
У всех катастроф на краю.
Я с братом другого наречья
Ответным стихом говорю.
День новый в крови и железе
Гремит на камнях площадей,
Но светится в братстве поэзий
Прекрасное братство людей.

НАД МОГИЛОЙ А. С. ПУШКИНА

В тоске земных столпотворений,
В извечной сменности систем
Живет недолго добрый гений,
Себя раздаривая всем.

И в этой беспощадной трате
Остановить его нельзя.
Он держит целый мир в охвате,
По дебрям опыта скользя.

Когда же смерть уводит в небыль
Его от мировых затей,
Возможностей слепое небо
Обозначается светлей.

Земля становится богаче
Одной вершиной в этот миг.
Вершиной гения, тем паче
Что он для нас ее достиг.

Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.

ЛЕРМОНТОВ. 1841

Глаза убитого певца
И до сих пор живут
не умирая
В туманах гор.

В. Хлебников

Гроза ущелье просквозила.
Туман ущелью лег на дно.
И через заросли кизила
Эльбрус глядит в мое окно.

В нас оживает что-то птичье.
Спадают с душ епитимьи,

Когда чистейшее величье
Нас снова делает детьми,

И чередою постепенной
Мир обновляет не спеша.
И на какой-то миг Вселенной
Ядром становится душа

(Условности уходят сразу)
И видит то, что видит глаз.
И скачет Лермонтов, Кавказу
Кавказ раскрывши напоказ.

Он убегает из-под власти
Пространств, столетий и царей.
И платит страстью вечной страсти
И остается должен ей.

Поэзия! Вселенной совесть!
Идя на плаху и под нож,
Ты, о себе не беспокоясь,
Миров гармонией живешь.

В тебе предчувствуя предтечу
Дорог вселенских, наяву
Я сам себе противоречу,
Но той гармонией живу.

Твое гнездо с орлиным рядом...
По своему календарю
Тебе дается детским взглядом
Глядеть на новую зарю.

Роняет в пропасть лист крушина.
Поток — как бритва на ремне.

И лермонтовская вершина
С Эльбрусом белым наравне.

Свет солнца в белый купол вкраплен.
Вокруг — ни тени, ни следа.
Слова на солнце, словно капли,
Стекают с фирнового льда.

Поэзия! Ты беззащитна
В своей пророческой судьбе.
Но что грядущее сулит нам,
Живет и борется в тебе.

Не замуровываясь в кельях,
Напропалую, напоказ —
Ты вся в вершинах и ущельях,
Ты вся в изломах, как Кавказ.

И ты на нем горишь, как пропись
Высоких истин. Из глубин,
С вершины — водопадом в пропасть,
Под лопасть вечности турбин.

Сама добро. Дробясь и добрясь,
Не целясь попадаешь в цель
И плавником сверкает образ,
Как в ледяной воде форель.

Ты вся в предчувствий смутном гуле,
Клубясь, бормочешь, как шуга.
И — грудь вперед — идешь под пули
На дикий камень Машука.

И, без защиты погибая,
Встаешь — живому верный щит.

И прежде грома голубая
В ущелье молния трещит.

Так по неписаному праву,
Раскалывая синеву,
Звезда ночную пьет отраву
И мертвой падает в траву.

Как демон, опаливший перья,
Добром и злобой заклеймен,
Ты навсегда обрел доверье
Судеб, галактик и времен.

Ты как прыжок без парашюта
В безвестность — факелом до дна,
Где неприметная минута
Кипящей вечности равна.

Жизнь — нескончаемый экзамен,
С грядущим прошлого союз.
Упрямо вечности глазами
В мое окно глядит Эльбрус.

Он белый-белый. Рядом-рядом,
В холодной пене по усам,
Зеленой молнии разрядом
С него срывается Баксан.

Гремит, ворочая каменья,
И ставит русло кверху дном,
Мешая первый день творенья
С вновь нарождающимся днем.

Кизил алее красной крови
Горит, смещаясь на снегу.

Кто наше время остановит
И оседлает на бегу!

Горяч скакун. Крута дорога,
Скользит и вьется по горе.
И выше демона и бога
Твоя вершина в серебре.

Всегда гореть. Светить, сгорая
Добром, любовью и тоской,
Во имя радости без края,
Земной возможности людской.

И есть за чем душе стремиться,
Куда лететь, чего хотеть.
Мир — снова белая страница.
И начинают птицы петь.

ЧИТАЯ НЕКРАСОВА

Я знал, как в поле сталь гудела,
Как стыла красная трава
И в дали дальние глядела
Россия, женщина, вдова.

И до меня из дали дальней
Летел по выжженным полям
Кабацкой песни стон скандальный
С кандальным звоном пополам.

И над провалами былого,
Вселяя в душу благодать,
Меня некрасовское слово
На ноги ставило опять.

И в дни лихие, в дни благие
В родной и чуждой стороне
России очи голубые
Всегда в глаза глядели мне.

За все платил я полной мерой,
Своей судьбой держал ответ,
И проникался древней верой
В ее судьбу, в ее рассвет.

В простор ее равнины ровной,
Где пыль Победы улеглась,
Где стала в самом деле кровной
Родной земли и песни связь.

А. БЛОКУ

Его поэзия жива.
Ей все душа отдать готова.
Мелькают мысли и слова,
И наконец приходит слово —
Основа жизни и души.
Возьми его и не дыши.
Остановись. Не без опаски
Застынь над чудом. И постой.
И снова вымыслы и сказки
Начнут соперничать с тоской.
Опять кудлатые метели
Сплетутся в яростный клубок.
И ты поймешь, что в самом деле
Ты в этот миг не одинок.
Что ты сейчас один хозяин,—
Позвал Вселенную на пир.

Еще пока неузнаваем,
Ты миру отдал этот мир
Взаймы. Да что там! Без возврата
Душа по слову отдана.
На бледной площади Сената
Трагическая тишина.
Есть удивительное свойство
У сказок, скрытое во мгле,—
То золотое беспокойство
За все живое на земле.
Пусть жизнь прошла и песня спета —
Густа могильная трава.
Но в чистом голосе поэта
Душа широкая жива.
Приникни к темному надгробью,
Завороженный и немой,
И ты поймешь, как пахнет кровью
Родник поэзии самой.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Душа — навыворот! Рубаху
Рванув от ворота сплеча,—
С такой душой идут на плаху
Иль убивают палача.

И он из тех, из настоящих,
Перекричал и смех и плач:
«Я сам души своей приказчик,
Судья, и жертва, и палач».

Есть в мире высшая свобода
Души возвышенно-большой:

Отдать себя душе народа
И стать потом его душой.

Идет рассвет из-под Рязани,
И тает месяц запятой:
«Ах, мальчик с синими глазами!
Ах, золотистый-золотой!»

Мне все мерещится, сдается,
Что я печаль твою сотру.
А голос льется из колодца,
Поет и плачет на ветру.

И стонет выпь, и утка крячет,
И по осенней стороне
На смерть и подвиг всадник скачет
Один на розовом коне.

ПАМЯТИ В. САЯНОВА

Ах, томик помятый...

Стихи не каприз и не шалость.
Стихи не сдаются на милость.
Ему без стихов не дышалось,
Ему без стихов не любилось.

Снега, обагренные кровью,
Горячие милые губы.
И пели над первой любовью
Самой Революции трубы.

Он был мне товарищем старшим,
Учителем песни и боя.

Гудело, качаясь над маршем,
Шрапнельное небо рябое.

Упруго дробили копыта
Тревожную дымку рассвета.
Последняя чарка допита,
Последняя песня допета.

Баян передернул мехами,
И сердце под старой шинелью
Сперва захлебнулось стихами,
Потом разорвалось шрапнелью.

Кострищи, заросшие мятой.
Шиповник горит, увядая.
И вспомнила томик помятый
Девчонка совсем молодая.

И медленно тянутся к полке
За томиком легкие руки...
И ранят ей душу осколки
Открытой любви и разлуки.

ПЕСНЯ МОЕМУ ДРУГУ БОРИСУ ЛИХАРЕВУ, КОТОРУЮ ОН НЕ УСЛЫШИТ

1

И жил поэт, на мир не сетуя,
И в суете обычных дел
Всего себя,
Как песню спетую,
Легко раздаривать умел.

$^{1}/_{2}8$ Заказ 1219

Хоть редко
Редкая удача
К нему ступала на порог,
Он, горе собственное пряча,
Делился радостью, как бог.

И был в атаке
Командиром,
И тамадою на пиру,
И, разговаривая с миром,
Казался скромницей в миру.

2

Не знаю: надо бы, не надо бы
Сказать ему —
Повремени,
Что заминированы надолбы,
А радость — прячется в тени.
Что непомерным
Станет горе,
Иссякнет радости запас
И жизнь со смертью, в вечном споре,
Вдруг примирятся в некий час.
Что в некий час застынут стрелки,
И остановятся часы,
И прекратятся перестрелки
У пограничной полосы.

3

Пойди пойми судьбу поэтову:
Что он берет, что отдает.
Наверно, я жадней,

Поэтому
Мне так его недостает.

И у меня своя удача,
Своя загадка,
Свой просчет,—
Жить, душу грешную не пряча,
Провал помножив на почет.

На дно ли камнем,
Птицей ввысь ли,—
Закончив бой, бросаться в бой.
И оставаться в лучшем смысле
Самим собой,
Самим собой.

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Когда в упор стреляют песню
И мнут подковами копыт,
Она, свободы светлый вестник,
Сквозь пыль в грядущее летит.

Она не может кануть в Лету.
Ей нет начала и конца.
И Пушкин принял эстафету
От безымянного певца.

Я прошлому не потакаю.
Меня от памяти знобит.
Сибирь тоскует по Тукаю,
И по Джалилю — Моабит.

Палач подходит к изголовью
И целится наверняка.
Снега дымятся свежей кровью,
И стонет камень Машука.

И под топор подходит Фучик,
И под прицел встает Джалиль.
Но мир свободе песня учит
И с крыльев стряхивает пыль.

И ей не надо перевода.
Она останется живой
В твоей судьбе, в судьбе народа,
В судьбе свободы мировой.

ИЗЕТУ САРАЙЛИЧУ

Два человека создали Далмацию:
господь бог и Мештрович...

Из частного разговора

Мне снится Адриатика, Изет.
Лазурь и солнце воедино слиты.
И моря синь, и синий неба свет,
Ультрамарин на белых плитах Сплита.

И в медленных глазах голубизна
У девушек, не знающих покоя.
И средиземноморская весна,
И пряный дух лаванды и левкоя.

И голых гор сиреневый отлив.
Разлапистые кроны синих пиний.
Холодный дым серебряных олив.
Торжественная угловатость линий.

И море спит. Щека — на парапет.
Спят лайнеры — скитальцы океана.
Мне снится сон. И в сон спадает свет
Через века от Диоклетиана.

На плитах эпитафии молчат.
Эллады затухает позолота.
Но всё стучат, настойчивей стучат
По мрамору проворные долота.

В опоках бронза обрела покой.
Шлепками на каркас ложится глина.
Рождается под мудрою рукой
Душа, и мысль, и песня славянина.

Душе его нести через века
Грядущим поколениям гостинец.
Открыто учит два материка
Искусству благородства далматинец.

Я в мастерской пробуду до утра.
Здесь мысль его для мира песню спела.
За мастерской вздымается гора
Горою неоконченного дела.

А сколько нам с тобой тесать спеша,
Мой брат по песне, по костру Победы,
Поэта беззащитная душа
Кричит в туман, предупреждая беды.

У нас с тобой на жизнь одна звезда.
В твой город входит без оглядки лето.
Он к звездам приколочен навсегда
Мечетями — гвоздями Магомета.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ «ТРЕБУЮ ПОМИЛОВАНИЯ»

Сараево с рассвета,
Наверно, неспроста
Ушло от Магомета
И не нашло Христа.

Но день не обездолен,
Он солнцем обогрет.
И с тенью колоколен
Не спорит минарет.

Играет в спину сплину
Весенняя свирель,
И зеленью в долину
Спускается Апрель.

Легка его осанка.
И в сутолоке дня
Заступница Десанка
Освободит меня

От сроков, от зароков,
Предлогов на подлог,
От будущих пророков
Сегодняшних тревог.

И тенью в день за снами
Исчезнет не спеша
Прикрытая усами
Усмешка усташа.

И ты в свои тетради
Поэзию зови
Помилованья ради
По принципу любви.

Смотри: из обихода
Упразднена зима.
А что же есть Свобода? —
Ответственность сама!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДОМЕ ПАБЛО НЕРУДЫ НА ИСЛА-НЕГРА

Ни разлуки, ни обманов, ни туманов.
Нерастраченною силой обуян,
В сорок тысяч миллионов барабанов
Рассыпается Великий океан.

Тень тревоги в мире осени завялом.
С океаном горизонт сошел на нет.
Наступая постепенно, вал за валом
Белой пеной завиваются в сонет.

Дикий берег. Ни уюта, ни приюта.
Волны слизывают строчки, как следы.
И не дом, а капитанская каюта,
Три стихии — солнца, ветра и воды.

А хозяину не надобно покоя.
Отсвет звезд высоких метит смуглый лоб.
Судьбы мира стали собственной судьбою,
Он на вкус ее опробовал, как сноб.

Тыщу раз в свободе мира разуверясь,
Тыщу раз в нее поверив до конца,
Спетой песней он опять проходит через
Душу мира и врывается в сердца.

Было все: любовь, измена, буря.
Были ночи, потонувшие в крови.
И ласкался тихо, в ухо балагуря,
Женский голос о покое и любви.

Полководец сам себе и честный воин,
В одиночку выходящий на таран,
Он спокоен тем, что вечно неспокоен,
Как не может быть спокойным океан.

Песня шла из-под полы, как контрабанда,
До вершины поднималася со дна.
Кровь раба смешалась в жилах с кровью
гранда.
Что поделаешь? Она теперь одна.

Перемешаны пассажи и аллегро.
Через хаос пробирается орган.
Океан, гремя, идет на Исла-Негра.
Сын Земли глядит в Великий океан.

ПИСЬМО ЯРОСЛАВУ СМЕЛЯКОВУ ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ЕГО КНИГИ «ДЕНЬ РОССИИ»

А лжи недолго править миром.
Пусть правда ложь бросает в дрожь.
Пусть только временным кумирам
На их погибель служит ложь.

И Пушкин знал, как при Пилате, —
Ему за все держать ответ.
Знал, что за слово правды платит
Своим изгнанием поэт.

Словесный мусор гонит в Лету
Волна упрямого стиха.
...Сейчас в Михайловском лето,
И зноен день, и ночь тиха.

И я не вижу святотатства
В том, что на пушкинском лугу
По старому закону братства
Тебя не вспомнить не могу.

Давно со мной живет твой голос,
Еще с мальчишества. Не раз,
Ликуя, веруя, кололась
Моя душа о твой рассказ.

И строй твоей высокой речи
Как бы на новую ступень
Над чередой противоречий
Благословлял идущий день.

И он был строгим до предела,
Ложился лугом под косу.
И мгла ненастная редела,
И пела иволга в лесу.

А что касается изгнанья,
То лучше многих знаешь ты:
Изгнанье Пушкина — признанье
Его чистейшей правоты.

В ИЗГОЛОВЬЕ ДРУГА

Я. С.

Что испытал он? — Дрожь по коже!
Как цел остался? — Не пойму!
Когда узнаешь, скажешь: — Боже,
За что же столько одному.

Его четырежды Иуда
Каяфе выдал за гроши.
А он искал земного чуда
Любви в окрестностях души.

И вслед за ней дорогой звездной
Ушел в неведомую даль.
И сожалеть об этом поздно...
...Кому нужна моя печаль...

В БОЛЬНИЦУ
КОНСТАНТИНУ ИВАНОВИЧУ КОНИЧЕВУ

Не жди никогда завершенья намеченной цели
И в споре рессор, и в покое больничных палат.
Мой старший товарищ лежит на казенной постели
И слушает молча, как сердце стучит невпопад.

Стучит его сердце впервые с таким перебоем.
И мысли всплывают и снова сникают во тьму.
Мой старший товарищ не знает, как пахнет покоем
Мир яростной жизни. Покой непонятен ему.

Он Красное знамя как правду высокой святыни
В двадцатом году целовал, от восторга дрожа:

И мы никогда не прошли б через пекло пустыни,
Не будь у пустыни зовущего вдаль миража.

От солнца лучей выцветают цвета акварели,
И пробует время на старой бумаге пастель.
И цель, как мираж, возникает из призрачной цели,
Уходит в туман и опять появляется цель.

Мой старший товарищ — разведчик особого вида,
Где он проходил — на песках поднимается лес.
Все шло через сердце: восторг высоты и обида,
Энергии сердца хватило б на Братскую ГЭС.

Лежит мой товарищ на белой казенной постели.
Парит его сердце и падает снова в провал.
И цель возникает, как песня из призрачной цели.
Вставай, мой товарищ. Идем. Впереди перевал.

Нам надо еще миражу миражей улыбнуться.
И опытом жизни поспорить с неверья бедой.
И выйти к оазису. Рухнуть в траву. Не из блюдца —
Из чистых глубин захлебнуться живою водой.

СОНЕТ НА ПАМЯТЬ НИКОЛАЮ РЫЛЕНКОВУ

Верблюд в песках не видит миража,
А видит то, что есть на самом деле.
И он идет через пустыню к цели
Оазиса, от страха не дрожа.

Душа ликует, сущность обнажа.
На горизонте, проступившем еле,

Через огонь космической метели
К несбыточному тянется душа.

Снега мертвы. Раскалены пески.
Но и в пустыне прорастает чудо.
Спеши туда, мираж цветет покуда

Над прахом человеческой тоски,
И верь в него до гробовой доски,
И доверяйся трезвости верблюда.

ВОСЕМЬ СТРОФ НА МОГИЛУ ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

Ушла из глаз живая жизнь
В заоблачные выси,
Как твой высокий оптимизм,
Печален был Тбилиси!

И заскользила тень крыла
По трепету крушины.
Нет в мире неба без орла,
Нет без орла вершины.

Ты все, что мог и смел, свершил.
Спел песню в полный голос.
И песня, падая с вершин,
О камни раскололась.

Кто вправе оценить всерьез
Ту песню без улыбки!
Нет в мире музыки без слез,
Нет правды без ошибки.

И этой грустною порой
За этой песней следом
Я над полночною Курой
Шел, никому не ведом.

Густая ночь. Пустая ночь.
И гор нагромождение
Кричало в ночь, прося помочь
Тоске перерождения.

И очень тонкий диск луны
Сиял над снежной Ушбой,
И дух Стиха под плеск волны
Грозился новой дружбой.

И только тень от бытия
Вдаль по волне бежала,
Как два тончайщих острия
Хевсурского кинжала.

ПАМЯТИ
СИМОНА ЧИКОВАНИ

Есть удивительные грани
Поэзий братского родства.
Чеканил слово Чиковани
Всем превосходством мастерства.

Вершины Грузии высоки,
Красой особой хороши.
Он мне открыл ее истоки
С вершины собственной души.

Она была чиста, как горный
Родник, бегущий из-под скал.
Он, совершая труд упорный,
Себе пощады не искал.

Плечо Святой горы — отныне
Его возвышенный приют.
Другие юноши в долине
Смеются, плачут и поют.

Его живой души улыбка
Моей сопутствует везде.
И серп луны над ним, как зыбка,
Плывет, подвешенный к звезде.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «РАНЕНЫЙ КАМЕНЬ»

Проводника, шагающего рядом,
Я памятью своей благодарю.
Старался я его увидеть взглядом
По ледникам скользящую зарю.

Стих зарождался. Холодны и немы,
Вставали горы, как наметки тем,
И клекотал в гортани у поэмы
Разноударной рифмою Чегем.

Шли облака ущельями в разведку.
И горы, распадаясь на куски,
Давили стих, его грудную клетку,
Как боль земли, тиски ее тоски.

Здесь двух начал неистовство браталось
И с тьмой времен перемежался свет.
Жизнь или смерть. Гармония и ха́ос,
Его нагроможденье и Поэт.

Он этот мир призвал к первопорядку,
В его разлад характер свой привнес.
И, как стальной клинок по рукоятку,
В его судьбу и в дикий камень врос.

Тень от орла пласталась и скользила
По гребням, набирая высоту,
По осыпям, по зарослям кизила,
Подчеркивая мира красоту.

И в этот мир вошла его натура,
Как откровение всему и всем,
Пером орла, горячей кровью тура
На ледниках написанных поэм.

В них мир поет, остановясь с разбега,
Пылают мальвы, колется осот.
Нельзя представить чистоты без снега
И радости победы — без высот.

Сквозь камень пробиваются наружу
Щедрот души подспудных родники.
Ты хочешь в горы, в высоту и стужу, —
Возьми его в свои проводники.

ФОРЕЛЬ ИДЕТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Кайсыну Кулиеву

Гор обнаженная поэма.
Ручьи ветвисты, как рога.
В ущелье Верхнего Чегема
Кипит и пенится Жилга.

Дымятся выступы косые
Вверху гранита и кремня.
И эта родина Кайсына
Давно священна для меня.

Она мне с юности знакома
Пожатьем дружеской руки.
В его дому я был как дома,
Мы с ним навеки кунаки.

Здесь камни влагою набрякли,
Здесь хлещет пена через мель.
И возле вросшей в камень сакли
Играет горная форель.

Через замшелые бойницы
Клинком рассветный луч скользит.
И тень широких крыл орлицы
По острым выступам скользит.

Есть благородство ясной цели,
Ее стихия — в быстрине.
Поэт идет путем форели
Навстречу бешеной струе.

Туда, к рождению истока
На недоступной высоте,
Где все обнажено жестоко
В первоначальной чистоте.

Мой друг из камня, но душою
Нежней цветущей алычи.
В его судьбе судьбой большою
Поют нагорные ключи.

Поэзия неизъяснима.
И бесконечен непокой.
Тень Лермонтова и Кязима
Стоит над честною строкой.

Я вижу: на его чинаре
Затеплил звезды Прометей,
И на свидание к Тамаре
Ущельем Демон пролетел.

ПИСЬМО КАЙСЫНУ

Кайсын, мне хочется в Чегем
Под своды старой сакли,
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мановенью ока

9 Заказ 1219

Поставим посох пастуха,
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары,
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий —
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,—
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель,
В Жилге при лунном свете.

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

С далеких пушкинских времен
Я навсегда в тебя влюблен
И в солнца желтый ореол,

Где выше облака орел
За плавным кругом чертит круг.

Что в мире выше слова «друг»?

Друг — это значит: отведу
Тебе грозящую беду,
А хлеб и воду, соль и стих
Делю по-братски на двоих —
Тебе глоток и мне глоток.

Вселенной звездный потолок,
Росы предутренний озноб
Венчают твой высокий лоб.
В седых метелках ковыля
Постелью стелется земля.
Но мы с тобой не будем спать —
Нам лишь бессонница под стать.
Мы будем слушать горный гул
Обвалов, где поет Расул.

Пускай к нам спустится Кайсын,
Высот Чегема верный сын.
И из Башкирии Мустай
Одарит нежностью.
Блистай
Всю ночь, созвездие друзей!
Кто хочет — с нами вместе пей
Веселый дружества кумыс.
Он скукой жизни не прокис
И не иссякнет никогда,
Как бед и счастья череда.

ЯНУ СУДРАБКАЛНУ

Срезает с горизонта звезды
Дюраль ракетных плоскостей.
Горит живой чистейший воздух
В турбинах суперскоростей.

Я сам в тоске ночных наитий
Об этом думал, как умел.
На грозном празднике открытий,
Как конь на ярмарке, чумел.

Все чаще уши века глушит
Безумье ядерных систем.
Но скорость выдувает души.
И может выдуть насовсем.

В век взлета разума и фальши,
В век, ускоряющий разбег,
Не отчуждается ли дальше
От человека человек?

Ты новым громом утро будишь,
Переворачиваешь сон.
«Чем тише едешь — дальше будешь» —
Есть в этом тоже свой резон.

У новой эры на пороге,
Чтоб нас размах не укачал,
Я тоже думаю в тревоге
О соразмерности начал.

Об отгороженном загоном,
Что было притчею допрежь,

О том, что стать должно законом:
«Семь раз отмерь — один отрежь».

Ведь так свободно и знакомо
Строка моя поет, легка, —
Пробивший плиты космодрома
Зеленый стебель василька.

НОЧНЫЕ СТИХИ
МУСТАЮ КАРИМУ

Разыграны трагедии Эсхила,
Отыздевался над собою Плавт,
Опробована дьявольская сила,
И к звездам улетает космонавт.

Что из того! Нам по ночам не спится, —
Немая боль грядущих катастроф
Нетронутую трогает страницу
Двойною рифмой оперенных строф.

Есть отчужденья крепостные стены
Между враждою ослепленных душ.
Мир напряженья ищет перемены,
И страсть познанья разбивает глушь.

Какая глушь! Пустыни пахнут потом,
Горят в огне арктические льды.
Не человек, а время копит опыт,
Отодвигая рубежи беды.

Разведка начинается со слова,
И с песни начинается рассвет.

Мой добрый друг, твоя душа готова
Всегда приветом привечать привет.

Когда мне тяжко от бесплодной муки
Предчувствия антонова огня,
Издалека гортанной песни звуки
Спасеньем долетают до меня.

И нет пространства! Отчужденья стены
Разбиты в прах. И сброшен с мысли гнет.
Солдат стоит. Ему не нужно смены, —
Пусть разводящий малость отдохнет.

ПАМЯТИ ОДНОПОЛЧАНИНА АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Страшна война, но только раны
Войны страшней самой войны.
Уходят рано ветераны
В седую вечность тишины.

Уходят медленно и немо
За окончательный предел
От неоконченной поэмы
С черновиками добрых дел.

Им нелегко в бою сдавалась
Судьбы и времени шуга.
Им до победы оставалось
Все время только полшага.

Как это расстоянье дразнит,
Когда больничная кровать

Дает возможность видеть праздник,
Где им уже не пировать.

В их преждевременном уходе,
Конечно, нет твоей вины.
Ты — в стороне. Причина вроде
В слепых последствиях войны.

Рассвета медленные блики
Бегут по выжженной стерне.
И призрак милой Эвридики
Беззвучно плачет в стороне.

УПАЛА ЯБЛОНЯ В САДУ

Памяти К. Г. Паустовского

Упала яблоня в отавы,
От сладкой тяжести устав,
Календаря осенней славы
Своей листвой не долистав.

А как она цвела весной,
Шатер раскинув навесной,
Под синим небом белый-белый!
Как в завязь превращался цвет,
Как наливался соком целый
Необозримый рой планет!

Не сонмы яблок в ветках зрели —
Миры в космических полях.

Она держалась еле-еле,
Как инвалид на костылях.

И сразу рухнула.
Устало
В перемещении теней
Шла ночь, и холодно блистала
Звезда Полярная над ней.
Трава дышала влажной жаждой,
К шершавой ластилась коре,
И свет звезды в росинке каждой
На каждом яблоке горел.

ПАМЯТИ ЮХАНА СМУУЛА

Он был поэтом по натуре
С душой, влюбленной в бытие.
Он шел всегда навстречу буре
И предугадывал ее.

Он мир исследовал, как дети,
Прикосновением руки.
И крепкий стих вязал, как сети
Вязать умеют рыбаки.

Звезда — в глаза, и ветер — в спину,
И океан волной клубим.
Он начинал свою путину
У неизведанных глубин.

И в звонком серебре улова,
Перебирая весь улов,
Искал единственное слово
В сырой тоске случайных слов.

Любовь! Ее маршрут неведом.
Где ей тускнеть, где ей блистать?

Он уходил за нею следом
И от нее бежал, как тать.

С охрипшим горлом, полным песен,
Он первым ввязывался в бой,
И был азартом боя весел
И пьян возвышенной судьбой.

Он ликовал. И что-то птичье
В его входило естество,
Когда, переступив различье,
Он обнаруживал родство

Со всем живым. И черной тучей
К земле прижало небеса,
Когда над песнею «Летучий
Голландец» поднял паруса.

Он спит в ночи пустой и вьюжной,
Недолюбив, недотужив,
На полюс Северный и Южный,
Как крылья, руки положив.

Он спит. Но в мире ходят песни,
Его тревогами полны.
И торжествует буревестник
Над гребнем гибельной волны.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГИТОВИЧА

Я ел с тобой, деля солдатский хлеб
Блокадных дней, твой опыт принимая,
И восхищался им. И не был слеп,

Твое стиху служенье принимая.
А ты ушел с улыбкой в мир иной.
Она застыла на застывшем лике.
Хлестнул по лесу ливень проливной,
И заплясали солнечные блики
По мокрым листьям.
                                        И была чужда
Душа моя минуте расставанья.
И над тобою дружба и вражда
Между собой забыли расстоянья.
Цветет на пепелище иван-чай.
И смотрятся ночные звезды в реки.
Ты улыбнулся смерти невзначай.
И мертвый — улыбаешься навеки.

ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ И В ДОБРУЮ СЛАВУ БЕРДЫ КЕРБАБАЕВА

Восток — жесток.
В тисках песков
Пересыхают реки.
Во тьме песков река веков
Потеряна навеки.

И ветром свеяны следы.
Смешались предков кости.
Ты звал меня сюда, Берды,
В свою пустыню в гости.

Ты все здесь знаешь,
Как орел, —
Богатство и отрепье.
Ты вырос здесь

И здесь обрел
Свое великолепье.

Я нахожу в твоих глазах
С твоей пустыней сходство —
Колодец жизни той,
Где страх
Затмило благородство.

Ты показал, как жизнь течет
Барханов и нагорий.
Шел разговор на крупный счет
Высоких категорий.

Сменили нового черты
Обиду и потерю.
И если в дружбу веришь ты,
Я в дружбу трижды верю.

Я знаю: путь не из ковров.
И ночь — не без пожаров.
И пахнет нефть,
Как пахнет кровь
Бакинских комиссаров.

Лишь кровью пишет тот, кто смел,
Грядущих будней повесть.
Черны мозоли добрых дел,
Но хлопок бел,
Как совесть.

И этот хлопок увенчал
Твое чело степное.

Ты прав:
Начало всех начал
В движенье, не в покое.

Мы на пиру,
Как говорят,
Смешали соль и лавры.
И пусть на празднике летят
Туркмены,
Как кентавры.

Пусть в душу бубна буря бьет.
Долины — пляске узки.
Пускай туркмен вина не пьет,
А если пьет — по-русски.

Играй, огонь!
По жилам бей!
Чтоб полной грудью пелось.
Ты прав, Берды, —
Одних кровей
И мужество, и смелость.

Ты душу мне даришь свою;
Обета не нарушу —
За душу я тебе дарю
Своих просторов душу.

И ты сильней,
И я сильней,
И ближе чувство чуда.
Я унесу привет степей
Туда — пришел откуда.

Там, где метель сейчас поет
И щелкают деревья.
Там, где вся жизнь моя —
Мое
Последнее кочевье.

ОТКРЫТКА В КИЕВ

Любезный друг Микола
Платонович Бажан!
Повеяло с Подола
Весной на горожан.

Иль это снова строго,
Осмысленная впрок,
Меня берет тревога
Граненных вами строк.

Исполненная рвенья,
Скрепленная родством
Слепого вдохновенья
С предельным мастерством.

И я иду за вами
Через зеленый гром
Цветущими садами
Над сабельным Днепром.

И вслушиваюсь в сушу,
И моря плеск ловлю.
И через вашу душу
Украину люблю.

Люблю всей былью боли
И песней к песне льюсь.
И словно вольной воле,
Поэзии дивлюсь.

Приверженному к слову,
Вам суждено беречь
Украинскую мову —
Возвышенную речь.

Чтоб был всегда полезен
И сутью века стал
Союз земных поэзий
Связующий кристалл.

И лестно мне, что в дали,
В упрямый непокой
Два облака печали
Плывут одной рекой.

* * *

Л. Дамиану

Молдавия! Еще поет Земфира,
Одаривая голосом гостей,
И восславляет северная лира
Восторг и слезы роковых страстей.

Идет рассвет. А мы постель не стелем.
И, возникая в зелени ветвей,
Нам тешит души благородным хмелем
Цыганский ветер музыки твоей.

Высокой дружбы ясная отрада
Нам очи в очи смотрит горячо,
И белый аист с гроздью винограда
Овидию садится на плечо.

ИВАНУ СЕРГЕЕВИЧУ СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

Там на заманчивой заре
Простых причин и следствий
Один кудесник в букваре
Мне повстречался в детстве.

Без помощи волшебных крыл
В общенье этом личном
Он мне на жизнь мою открыл
Волшебное в обычном.

И, легкой вымыто водой
И солнышком согрето,
Ромашкой с дикой резедой
Мне улыбнулось лето.

Потом на радость нам двоим
Внимательная сила
Его души меня своим
Прозреньем одарила.

Через него я понял толк
Открытого веленья
Своей судьбы, как ясный долг
Ее преодоленья.

Душа его всегда нежна
От пережитой боли.
А боль... Кому она нужна
В наш век железной воли?

И не в полдневные часы,
А лишь во сне воочью
Он видит мир земной красы
Цветущих радуг ночью.

Потом ведет о нем рассказ
И бережно, и ярко,
Как суть раскрытого для нас
Бесценного подарка.

И в утешение сердец,
В два пальца, по старинке,
Его печатает скворец
На пишущей машинке.

Шатер раскинув навесной,
Покрытая загаром,
Сосна смолой исходит в зной
И пахнет скипидаром.

ПИСЬМО В МИХАЙЛОВСКОЕ

С. Гейченко

Мела Зима, и Лето пело,
Пестрела жизни кутерьма.
Наверное, влюбленность в дело
И есть Поэзия сама.

И подвиг жизни ежечасный,
Поверх насмешек и зевот,
Вдруг, в некий миг, вершиной ясной
Встает из будничных забот.

Перемешав событий числа
В один-единственный успех,
Судьба, исполненная смысла,
Преображается для всех.

И в одинаковость пейзажа
Привносит личный колорит.
И даже времени поклажа
Надоедать не норовит.

И снег Зимы, и песня Лета
Переосмыслены в тиши.
На них оставлена примета
Твоей возвышенной души.

И превращается соседство
В родство с поэзией родной,
Где в самом деле цель и средство
Есть суть гармонии одной.

Где удивительное — рядом,
Для всех открыто и равно,
Где мир, твоим обласкан взглядом,
В мои глаза глядит давно.

Где мы с тобой застынем снова
В лугах, молчание храня,
Услышав пушкинское слово
Под синим колоколом дня.

ЛЕТЯТ ГОДА...

Летят года, как междометья,
Как паутина по стерне.
Сафо двадцатого столетья
Однажды говорила мне:

«Не скроешься. Поэты голы.
Всем, чем богаты и бедны,
Их мысли, души и глаголы
До основания видны».

И вывод следовал курсивом
Без разделенья запятой:
Поэт обязан быть красивым
Нестыдной правды наготой.

Что открывается поэтам,—
Нельзя не согласиться с тем,
Нас обнадеживает в этом
Идущий век стеклянных стен.

Где ничего не скроешь боле
И, словно ветошь, сбросив ложь,
Утраченную, поневоле
Святую правду обретешь.

ЗАКЛАДКА В «САТИРИКОН» ПЕТРОНИЯ

Мы знаем, как распался Рим
От жира и одышки,
Но время не благодарим
За синяки и шишки.

Мы забываем в свой черед
И снова копим опыт.
А Время, убыстряя ход,
Грядущее торопит.

И Гений, с будущим знаком,
Живущим на потребу,
Не расстается с чердаком,—
Оттуда ближе к небу.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ЭДИТ СЕДЕРГРАН В ПОСЕЛКЕ РОЩИНО

Здесь муза русской страсти
На шведском языке
Вам о земной напасти
Гадала по руке.

И был душе несносен,
Душой не обогрет
В колоннах финских сосен
Молочной ночи бред.

Потом зима пестрела
Костром, и между слег
На пепел артобстрела
Летел безгрешный снег.

И вот сегодня снова,
Слетая со страниц,
Печалит ваше слово
Скрещенье трех границ.

На мелкие осколки
Дробится звездный мост,
И падает на елки
Хрустальный пепел звезд.

О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ В ДЕНЬ ЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Отошла давно блокада.
Жизнь торопится, спеша.
Но жива у Ленинграда
Ленинградская душа.

Невозможное на свете
Пережившая одна,
По единственной примете
Всем открыта и видна.

Чем она прожить сумела,
Как ее судьбу понять?
Находила силы — пела
Там, где можно умирать.

Не подвластна, не подсудна
Перед светом новых дней.
И ее обидеть трудно,
Похвалить еще трудней.

Невозможное возможно
Для ее большой любви.
Мы ей скажем осторожно,
Громким шепотом: живи!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВИЧА ТВАРДОВСКОГО

Он был на первом рубеже
Той полковой разведки боем,
Где нет возможности уже
Для отступления героям.

Поэзия особняком
Его прозрением дарила.
Его свободным языком
Стихия Жизни говорила.

Сочувствием обременен
И в песне верный своеволью,
Он сердцем принял боль времен
И сделал собственною болью.

Пусть память, словно сон, во сне
Хранит для чести и укора
Всю глубину в голубизне
Его младенческого взора.

П. Г. АНТОКОЛЬСКОМУ

Все было взято с бою.
И по календарю
Я всей своей судьбою
Ваш путь благодарю.

Мосты и переправы
В железе и огне,
Где отсвет вашей славы
Светил и светит мне.

* * *

Владимиру Жукову

Это память опять, от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла зима от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой
Снегириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят,
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

Прощайте! Уходим с порога,
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога —
Дорога пришедших с войны.

Прощайте! Со временем вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.

СОНЕТ РАФАЭЛЮ АРАМЯНУ

Еще в ладонях каменного ложа,
Как зеркало, синеет твой Севан.
И есть еще для праздника армян
Возможностей шагреневая кожа.

И на Раздан река судьбы похожа:
Над ними неизвестности туман
Судьбой произрастания семян
Колышется, грядущее тревожа.

В судьбе Вселенной и в судьбе зерна
Садовника достойная награда.
Душа творца истоку жизни рада.

И плачет о бессмертии зурна,
Своей извечной музыкой верна
Воде и солнцу в кисти винограда.

Б. Б. ПИОТРОВСКОМУ

Янтарная осень играет палитрой Галенца.
В кольцо замыкается гор голубой караван.
Высокое небо беспечней улыбки младенца.
Дорога, как вечность, ползет из Гарни в Ереван.

Здесь в желтый песок перемолоты времени кости.
Здесь кровь каменела. Ложилась межа на межу.
Здесь варвары шли. Проходили столетья и гости.
И я по костям перетертых столетий хожу.

Иду, спотыкаясь о выступы крика и боли
Заросших развалин времен неотступной грозы.
Иду, удивляясь дороге познанья и воли,
Бессмертию песни, упорству зерна и лозы.

Здесь память земли, от людского страданья немея,
Мне память мою откровеньем веков бередит.
А небо прозрачно, и солнце времен Птолемея
На душу мою из грядущего века глядит.

СОНЕТ КАЙСЫНУ

Пока поет Орфей и плачет Эвридика,
И о порог копытом бьет Пегас,
И на пиру Поэзия от нас
Прекрасного не отвращает лика,

И свет ее души, ее любви над дико
Беснующимся миром не погас,
Пока течет Нева и на заре Кавказ
Цветет еще, как на снегу гвоздика,—

Мой добрый друг, мы на земле нужны,
Как зимней ночи звезды до рассвета,
Как острой стали старые ножны,

Как сдвоенные рифмы для сонета.
...Тревожны души и сердца нежны,
И песня совершенства недопета!

Н. С. ТИХОНОВУ

Я сегодня, подвластный раздумий тревожному мигу,
Отложил от себя отрешенной премудрости хлеб.
И раскрыл осторожно прощанья последнюю книгу,
Беспощадную книгу уже отгоревших судеб.

И остался один. Неотъемлемой тихою тенью
За плечами печаль опустила седые крыла.
А крутая вершина, сияя, звала к восхожденью.
Что там, вольная воля иль черная пропасть была?

Я не знал и не знаю. Но нет мне обратно возврата.
И прощания книга ложится в фундамент времен.
Из осколков и щебня Победа, легка и крылата,
Возрождается снова — и к звездам полет устремлен.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛАНИЯ. ПОСВЯЩЕНИЯ

МИХАИЛ ДУДИН

Михаил Александрович Дудин

ВСЕ ВМЕСТЕ

Редактор **Д. А. Смирнов**
Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**
Технические редакторы **Т. Г. Дугина** и **Л. Б. Чуева**
Корректор **М. С. Никитина**

ИБ № 2392

Сдано в наб. 10.04.80. Подп. в печать 22.09.80. А03005. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,9. Уч.-изд. л. 10,44. Тираж 25 000. Заказ № 1219. Цена 1 р. 30 к. Изд. инд. ЛНП-58.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

1р. 50к.

•СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

МИХАИЛ ДУДИН
ВСЕ ВМЕСТЕ